

АНДРЕЙ ЛЕВИЦКИЙ

ОДИН ИЗ
ЛЕСА

Андрей Юрьевич Левицкий
Один из леса
Серия «Survarium»
Серия «Стас Логин», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7153265

Аннотация

Захватывающий остросюжетный роман-боевик представляет собой новеллизацию игры Survarium. В XXI веке сама Земля вступила в схватку с человечеством, стремясь уничтожить его. На планете возникла чудовищная биоаномалия – Лес с его мутировавшими растениями и животными. Мало кому удалось выжить в новом мире свирепых мутантов и аномальной природы. Люди сбиваются в банды, кланы и группировки, которые соперничают в борьбе за то немногое, что осталось от разрушенной цивилизации. Главный герой романа, охотник Стас Логин, балансируя между жизнью и смертью, в одиночку сражается против банды варваров-кочевников и пытается разгадать тайну зловещего Полигона Смерти.

Книга публикуется в авторской редакции.

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	22
Глава третья	43
Глава четвертая	60
Глава пятая	79
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Один из леса

Андрей Левицкий

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

В 21-м веке сама Земля вступила в схватку с человечеством, стремясь уничтожить его. На планете возникла чудовищная биоаномалия – Лес с его мутировавшими растениями и животными. Мало кому удалось выжить в новом мире свирепых мутантов и аномальной природы. Люди сбиваются в банды, кланы и группировки, которые соперничают в борьбе за то немногое, что осталось от разрушенной цивилизации. Главный герой романа, охотник Стас Логин, балансируя между жизнью и смертью, в одиночку сражается против банды варваров-кочевников и пытается разгадать тайну зловещего Полигона Смерти.

Я – выживший. Бродяга и охотник. В мире, захваченном опасным и загадочным Лесом, который стал настоящим хозяином планеты, я уничтожаю лесное зверье, мутантов, хищников.

Но иногда люди ведут себя хуже, чем звери. И тогда я, простой охотник, вынужден превращаться в убийцу. Неважно, что я один, и нет никого, кто помог бы мне. Неважно, что враги мои – кочевники Черного Рынка, эти варвары нового мира.

*Цепочка таинственных следов, темных загадок и жестоких смертей ведет к Полигону Смерти – мрачному месту, скрытому за пустошами, непроходимыми болотами и лесами. С ним связано мое прошлое... И тайна всего этого мира – **Мира Выживших**.*

Даже если ты один против всех, это не значит, что ты не прав.

Хью Лори

Часть первая

Новые варвары

Глава первая

Мутанты и люди

Только у людей кто громче кричит, тот слабее бьет. У зверей обычно наоборот – кто громче ревет, тот и кусает сильнее. Кабаны ревут особенно громко, и этот меня почти оглушил. Я как раз воткнул в дно ямы-ловушки третий кол, когда зверь рухнул чуть ли не мне на голову.

Кабанов-мутантов называют горбунами. Они здоровые, горбы у них твердые, как камень, а из башки торчат острые костяные наросты. Хорошо, что угодил кабан все-таки не на меня, а на кол. Но плохо, что я не успел его толком вкопать – от удара заточенная жердина накренилась и упала.

Но свою роль она все-таки выполнила: брюхо горбуну распорол. Что не помешало мутанту броситься в атаку. Твари они злобные и обычно стараются угробить все, что движется и дышит – любое существо воспринимают как угрозу, которую нужно втоптать в землю по самые уши. Бросив ему в морду нож, я прыгнул к стенке ямы, то есть глубокого и широкого лесного оврага. Его склоны мы с помощью лопа-

ты сделали отвесными, со дна выгребли листья и сухие ветки, утрамбовали. Передо мной свешивалась веревка, наверху привязанная к дереву. Подскочив, я ухватился за нее и полез.

И тут кабаний клык воткнулся мне в ногу. Твою рогатую мать, за что?! Я ведь всего лишь хотел поймать тебя в ловушку, дожидаться, когда ты истечешь кровью, отрубить тебе голову и освежевать! Только бизнес, ничего личного!

Перед глазами все поплыло от боли, пальцы заскользили по веревке. Надо было перчатки свои специальные надеть!

Сверху показалась седая голова.

– Держись! – Миха вцепился в мое запястье.

Горбун бесновался, мотал башкой и ревел. Я поджал ноги. Кровь тонкой струйкой стекала с левого ботинка.

Миха ухватил меня второй рукой и свесился вниз сильнее. Из-под расстегнутого ворота выпал кулон – плоская металлическая коробочка размером со спичечный коробок закачалась на титановой цепочке. Напарник поднатужился и с громким хэканьем вытащил меня. Внизу кабанище мычал, фыркал и сновал туда-сюда, оставляя на земле пятна крови.

– В задницу мутанту такую жизнь! – простонал я, садясь и осторожно закатывая камуфляжную штанину. – Откуда он взялся?! Должен был прийти сюда через полчаса, не раньше! Мы же еще даже приманку не положили!

Приманкой служили пол-мешка гнилых яблок, до которых горбуны охочи. Они вообще-то жрут все подряд: желуди,

орехи, семена, фрукты, мясо... могут и человека схарчить без проблем. Но почему-то считают гнилые яблоки особым деликатесом.

Яму мы собирались накрыть заранее приготовленными длинными жердями, потом еще набросать хвороста с листьями и поверх всего этого рассыпать яблоки. Кабан, которого нам заказали обитатели поселка Ореховка, повадился разрыхлять их поле, пугал женщин с детьми, а недавно убил пастуха и разогнал стадо чахлах поселковых коз.

Миха спрятал кулон под рубашку. Происхождение этой штуки было его великой тайной. Раньше я приставал с расспросами, откуда кулон да что он значит, но напарник был стоек и не кололся даже по пьяни, и в конце концов я смирился. Темнит – его дело, мне уже давно было ясно, что в прошлом Михаила были страницы, которые он не хочет открывать никому.

Напарнику моему сильно за пятьдесят, но он еще вполне здоровый, да и вообще мужик крепкий. Плечи покатые, мясистый, коренастый, похож на отставного борца. Ну и выправка военная чувствуется, привык к дисциплине, каждый день – зарядка, через день – спарринг со мной: то бокс, то борьба, то ножами машемся. Я его на полголовы выше и на десяток кило легче. И более чем в два раза моложе, но все равно иногда с трудом за ним поспеваю во время длительных переходов. А переходы такие мы устраиваем часто и успели побывать почти на всей доступной территории. Лес смер-

тельным зеленым океаном окружает относительно небольшой островок, где нам приходится жить. И есть ли на Земле другие подобные островки... Да я уверен – есть. Но нам отсюда до них не добраться, во всяком случае, я не слышал про успешные экспедиции в глубину Леса.

– Рану надо быстро обработать, – сказал Михаил.

– Обработаю, только эту сволочь рогатую завалю.

Я потянулся к своей короткоствольной «махновке», то есть ТОЗ-106. Ружье лежало на куртке, брошенной на подготовленных для ловушки жердях. У ТОЗа самодельный магазин на пять патронов, а в раскладной приклад впаяны салазки, куда можно вставлять второй, запасной.

– Не дури, – сказал напарник. – Иди лучше своим кулацким обрезом воробушков пугай. Это обычных кабанов валят под лопатку или в шею, а горбуна можно убить, только если в брюхо или в глаз засадить. В глаз отсюда не попадешь, в брюхо тем более.

– Самый умный? Тогда дай свой карабин.

У Миши на плече висел «Тигр», напарник заряжал его усиленными патронами армейского образца, которыми горбуна валить – самое то.

– Не-а, – покачал он головой. – «Тигру» я тебе не дам. Незачем бронебойные на кабана тратить, сам сдохнет скоро. И вообще, прекращай эмоциями прыскать. Сколько тебя учить?

Мы остановили кровь, промыли рану перекисью, наложи-

ли жгут. За это время бодрости у горбуна заметно поубавилось. Ему-то кровь, текущую из разорванного колом брюха, остановить было некому, и он слабел с каждой минутой. Когда уселись передохнуть на краю ямы, Михаил вдруг пихнул меня локтем в бок, ухмыльнулся, отчего на щеках появились складки-ямки, и сказал:

– Анекдот вспомнил. Попали как-то в ловушку четыре мутанта: лис-мутант, волк-мутант, заяц-мутант и свинья. И вот свинья говорит... Что, рассказывал уже? – догадался он по выражению моего лица.

Удивляюсь я иногда на своего друга и напарника. Он же мне реально в отцы годится. Солидный мужчина, в возрасте, бывший военный, многоопытный, побывал во всяких горячих местах. Научил меня куче полезных вещей: выживанию, планированию, тактике боя, рукопашке, стрельбе, да и просто нормальной житейской смекалке. Но накатывает на него временами такая ребячливость, почти мальчишество, начинает анекдоты травить, шутить. Хотя, если задуматься, то можно понять, откуда это берется: своего рода защита от окружающего. Ибо мир спустя десять лет после Пандемии, уничтожившей большую часть человечества, кровав, жесток, опасен и мрачен. И каждый с этим справляется по-своему. Вот Михаил – шутки шутит и анекдоты травит, как пацан. И отношения у нас с ним необычные. То ли как у учителя с учеником, то ли просто как у напарников и друзей... не разберешь.

Я вытащил кисет с остатками табака, свернул самокрутку. Курю я мало, только если выпью или после стресса. Михаил смолит больше, поэтому дефицитный табак у него постоянно заканчивается, и он страдает от никотиновой голодухи.

Раскурив самокрутку, первым делом передал ее напарнику, тот сделал пару глубоких затяжек и сказал:

– А ну пройдишь.

Взяв самокрутку и тоже со вкусом затянувшись, я встал. Осторожно перенес вес на раненую ногу, прислушиваясь к ощущениям, сделал несколько шагов. Нормально. То есть не нормально, конечно, какое уж тут нормально с этакой дырой, но – терпимо, могло быть и хуже.

Горбун в яме вдруг вострубил дурным голосом и бросился в атаку на стенку. Въехал в нее центральным, торчащим из-под нижней челюсти рогом, поворачивал им, буравя глинистую почву, вытащил, развернулся и снова забегал.

Михаил выпрямился, повел плечами. На нем были такие же, как на мне, камуфляжные штаны, заправленные в высокие черные ботинки, и серая охотничья куртка. Моя, похожая, только зеленая, лежала на жердях. Эти куртки вместе со штанами, ботинками, палаткой и бруском серебра на триста грамм мы получили с год назад в оплату за то, что под Белой Церковью помогли одним старателям отбить их схрон с артефактами у пришедшей с юга банды.

– Всё, мы дело сделали, – сказал Миха. – Иди на стоянку, а то заявится кто-нибудь и палатку унесет. Приготовь по-

ужинать. А я дождусь, когда горбун отправится в мир иной, голову отрублю и притащу.

– Он меня проткнул! – возмутился я. – Я убить его хочу. Мечтаю прям.

Напарник почесал лейкопластыревую нашлепку на правой скуле – вчера поздно вечером брился и порезался в темноте.

– Вот ты достаешь иногда, Стас, своей упертостью. Иди на стоянку, говорю, без палатки останемся.

– Отомстить хочу, – заупрямился я. – Возле сарая все равно никого никогда не бывает, кроме нас. Месть – это хорошо и приятно.

– Мстить полезно для душевного здоровья, не спорю. Но в данном случае ты имеешь дело не с человеком, а с неразумным зверем. Знаешь, как один умный мужик сказал: прощают только недостойных мести. Этот хрен рогатый внизу как раз достоин. Он же не понимает ничего.

– Сам говорил, что у них зачатки интеллекта.

– Вот именно, что только зачатки.

Я продолжал напирать:

– Башка такого самца весит килограмм тридцать, не меньше. Плюс освежевать же надо, мясо хоть и жесткое, но ты что, его бросить хочешь? Бесхозяйственно это. Завялить, засолить... Может, часть к Сигизмунду снести или продать поселянам... Как ты в одиночку все потащишь, мы ж собирались волокушу для двоих делать. Сам не донесешь.

– Ты тем более не донесешь с такой-то ногой.

Он задумчиво огляделся. Давно перевалило за полдень, в кронах деревьев гулял ветер, шелестел листвою. Начало осени – уже прохладно, но морозов пока нет, ночью мы спали без костра. От небольшой дубравы, где устроили ловушку, было километра три до Ореховки, которая находилась на юго-западе. А к востоку от нас лежало большое пятно Леса. Оттуда, из смертельной для людей мутировавшей чащи и приходил этот кабан-горбун, надоедавший поселянам.

Мне в голову пришло, как можно эту ситуацию разрулить, но напарник уже и сам озвучил:

– Стоянку надо перенести сюда. Сарай, конечно, привычней, но... Короче, оставайся здесь, жди, пока горбун сдохнет. Я возьму скатки, рюкзак и приду. А ну посмотри на меня.

Я посмотрел. Он взгляделся в мое лицо и спросил:

– Голова не кружится? Блевать не тянет?

– Да нет, все путем. Обычная рана, впервые, что ли. Я в норме.

– Ладно, жди. Скоро буду.

Миха взял у меня самокрутку, в последний раз затянулся, вернул и ушел. Я докурил, накинул куртку. Погрозил кулаком горбуну. Тот фыркал, тяжело топотал по дну ямы, иногда останавливался и мотал башкой. Шеи у этих тварей почти нет, туловище переходит в угловатую голову с торчащими вкривь и вкось рогами. Глаз не видно, только темные щелочки в складках жесткой щетинистой шкуры.

– Пристрелить бы тебя, урод! – в сердцах сказал я, все еще раздосадованный тем, что на ровном месте заполучил дыру в икре и головную, вернее, ножную боль на ближайшие дни десять.

Горбун в ответ, глухо замычав, упал на бок, и тогда стало видно, что брюхо у него все в крови. С трудом он поднялся, снова побрел по кругу. Жалко мне его не было ни грамма. Жалостливые в наше время долго не живут. Мутант был причиной смерти как минимум одного человека, из-за него ореховцы лишились нескольких коз, что для поселян вполне могло означать скорый голод и смерть еще многих людей... Короче, в яме подо мной находилось исчадие Леса, подлежащее жесткому уничтожению. Только так, и никак иначе. За эту работу нам пообещали двадцать армейских патронов для «тигры», тридцать – для моего короткоствола, блок охотничьих спичек и пять больших банок тушенки. В наши времена основная валюта, которую берут везде, – старые монеты по одному и десять рублей, а еще серебряные и золотые слитки. Второй валютой можно назвать патроны разных калибров. Михаил утверждает, что из-за Пандемии погибло примерно девяносто – девяносто пять процентов населения, а значит, боеприпасов, которые хранились на военных складах, в процентном соотношении с числом живых сразу стало в разы больше. Только поэтому мы пока стреляем, а не носимся по лесам с луками и арбалетами.

Мне хотелось быстрее вернуться в Ореховку еще и по дру-

гой причине: когда мы уходили на охоту, дочка поселкового старейшины Лерка очень многозначительно глядела на меня, а на предложение познакомиться поближе ответила в том смысле, что если вернемся с головой убиенного кабана, то я могу кое на что рассчитывать.

И тут горбун издох. То есть, по выражению Михи, отправился в мир иной. Дубаря врезал. Копыта отбросил, стало быть. Кстати, даже раньше, чем я ожидал. Он вдруг тоскливо, утробно замычал и начал пятиться. Впервые я такое видел: птящегося самца-горбуна. Ни от кого они не птятся, даже от темных леших, даже от медведей-шатунов, но сейчас кабан, должно быть, узрел перед собой страшный лик своей кабаньей смерти. Потом снова завалился на бок, брыкнул ногами – и отдал Лесу душу.

Я выждал минут пять, чтоб удостовериться. Мутант не шевелился. Бросил в него несколько камней, причем парочка угодила по брюху, прямо по ране – ни один горбун такого не вытерпел бы, – взял жердину подлиннее, потыкал в тушу: ну всё, свинка склеила ласты.

Вооружившись топором, спустился вниз. Подобрал нож, которым отесывал колья, подступил к горбуну со стороны брюха и ткнул в рану. Он не шелохнулся. Спекся братан. Я взялся за топор. Такую шею рубать – все равно что дерево средней толщины. Позвонки там как колоды, а шкура просто дубовая. Ладно, не впервой. Я поплевал на ладони, ухватил топор покрепче, поднял над головой. И замер.

Опустил, недоуменно нахмурившись. Вслушался. Показалось – или был выстрел? Вроде за лесом...

Еще два выстрела! Что такое, кто там стреляет?

Со дна ямы невозможно определить, откуда доносился звук. Вот черт, а если это Миха на кого-то напоролся?! Времени прошло прилично, он сейчас уже должен заканчивать сборы или даже назад идти.

Снова выстрелили. Так, плохо дело. Я вылез из ямы.

За дубравой была низина, а дальше – маленький холм, не холм даже, так, пологий земляной горб. Приставив к плечу покрытый беличьим мехом затыльник приклада «махновки», я поднялся по склону и услышал шум моторов вдали. Судя по звуку, ехали мотоциклы.

На вершине холма стоял сарай-развалюха, окруженный высокими лопухами. Покосившиеся стены, крыша в проломах, под ней мы и разбили стоянку. Здесь никогда никто не бывал кроме нас. Сколько мы сюда ни приходили, ни разу ни одного человека не видели, и следов тоже.

«Махновка» легкая, всего два с половиной кило. Спусковой крючок у нее коротковат, но я к нему привык, палец плотно лежал в выемке. К тому же неудобная пистолетная рукоять ТОЗа давно была заменена на более комфортную, от «Сайги». Плюс – у ТОЗа при сложенном прикладе автоматически запирается спуск и стрелять нельзя, но в этом ружье мы кое-что подправили, теперь вести огонь можно было даже со сложенным прикладом, и это уже дважды спасало мне

жизнь.

Выставив вперед ствол, я шагнул к пролому в стене сарая. Заглянул.

Засосало под ложечкой, волна холода сбежала вдоль позвоночника. В сарае никого не было. Никого и ничего, то есть вообще – ни скаток, ни свертка с палаткой, ни рюкзака. Сквозь дыры в крыше падали столбы света, озарявшего большое помещение с дощатым полом. Из щелей проросла трава, по углам груды земли, в центре – почерневший лист железа для костра, с кучей углей и золы.

Лес заberi, куда напарник делся?! Неприятные мысли полезли на ум, я вспомнил байки про исчезнувших людей, которых какие-то странные твари утаскивают к себе в Лес, вспомнил про Боярку – городок под Киевом, где, говорят, в один непрекрасный день пропали все жители, причем ни крови, никаких следов боя, ничего от них не осталось...

Но тут кровь есть! Вон влажные темные пятна на стене возле пролома, зияющего в другом конце сарая. Напряженно поводя из стороны в сторону стволом «махновки», я прошел к пролому и выбрался наружу.

Лопухи были смяты и сломаны. Выскочив с другой стороны зарослей, я увидел, что далеко-далеко посреди большого кто-то едет прочь от дубравы. Что это там? Вроде пара мотоциклов с чем-то более габаритным... квадроцикл? Бинокль нужен, но нет у меня ни бинокля, ни снайперского прицела, ни черта такого нет – а оно эх как сейчас бы приго-

дилось! Невооруженным глазом разглядеть подробности не удалось, к тому же позади тачек в воздухе расплывалось серое пятно выхлопов. Почудилось только, что на одном из байков маячит нечто алое, вроде ездок был в красной куртке или рубахе.

На краю луга обнаружили колеи со следами шин, и я, присмотревшись, решил, что помимо двух мотоциклов здесь побывал еще трицикл. Всякой колесной техники в округе не так много, в смысле, той, что на ходу. Напряг с топливом – где его взять? Бензин за несколько лет теряет свои свойства, легкие фракции испаряются, как плотно ни закупоривай канистры с цистернами. Дольше хранится топливо с низким октановым числом, но и его теперь, спустя десяток лет после Пандемии, достать сложно. Хотя бензин восстанавливают спец-добавками, только их попробуй достань. Есть еще, конечно, солярка, она стоит дольше, особенно если хорошо закрыта, однако ее не так просто найти. Поэтому, хотя брошенного транспорта в округе полно, ездят на нем немногие.

На мотоциклах предпочитают передвигаться кочевники Черного Рынка. Байкеры. Трициклов я среди их автопарка раньше не замечал. Трицикл – редкость, по нему можно будет найти эту банду. Наверное. Думаю, я не ошибся, читая следы.

От беготни сильно разболелась нога. Хромая, я вернулся в сарай и присел возле кострища.

Бригада байкеров вполне могла, случайно обнаружив на-

шу стоянку, позариться на снарягу и припасы. Но они бы убили Миху. Или бросили бы его здесь, раненого, хотя скорее все же убили бы, чтоб не оставлять за спиной потенциального мстителя. Кочевникам просто незачем увозить моего напарника с собой – ни живого, ни мертвого. Так почему они забрали его? А может тело Миши лежит где-то в зарослях? Я начал вставать, чтобы снова выйти наружу и обыскать округу, но заметил, как что-то блеснуло под краем железного листа. Запустил туда пальцы и достал кулон на титановой цепочке.

Нахмурившись, повертел в руках. К этой штуке я до сего момента ни разу не притрагивался. Не мог кулон просто так слететь с шеи Михи и попасть под железо – скорее, когда кочевники наскочили, напарник сам его с себя сорвал и сунул туда. Спрятал, чтоб им не достался. И, возможно, чтобы я нашел. Он ведь понимал, что я буду тут осматриваться, пытаюсь сообразить, как всё случилось. Я потерял лоб. Выстрелов было четыре, и сколько их сделал Михаил из своей «тигры», неизвестно. Наверное, его ранили. И – раненого – схватили, потому что вряд ли он добровольно пошел бы с кочевниками. Схватили, скрутили и увезли. Но напарник оставил мне кулон.

Я еще раз оглядел вещицу. Металлическая пластинка с ушком, куда продета тонкая цепочка. Черт знает, для чего эта штука нужна.

И тут я заметил рисунок на железном листе: рядом с остат-

ками костра углем был накарയാбан круг, а в нем буква «V», перечерченная зигзагом, смахивающим на молнию. Это Миша нарисовал, что ли? Какое-то послание для меня... Только вот никаких ассоциаций рисунок не вызывает и ничего мне не говорит.

Короче говоря, плохо дело. Главное, совершенно непонятно: за каким растаким мутантом его увезли кочевые байкеры? Ребята они опасные, держаться с ними надо осторожно. Кожанки, шипы, заклепки, наркота, карты, стволы и тачки, небритые рожи, черные перчатки, револьверы, обрезы, АКСУ, УЗИ, помповики... Колоритная смесь огромного военизированного байкерского клуба и монголо-татарской орды – вот что такое Черный Рынок. Но мы-то вроде ничем не зацепили кочевников, не имели проблем ни с одной из группировок, банд и бригад. Или похищение как-то связано с прошлым Миши? Он на удивление скупно говорил на эту тему, а про последние годы перед Пандемией не рассказывал, даже когда крепко выпивал. По какой-то причине около пяти лет жизни стали тайной, которую напарник тщательно хранил. Связь с его родственниками оборвалась, живы ли они или нет – неизвестно. Сослуживцы, друзья... ни про кого я не слышал и не знал. Исключением был только Сигизмунд, бывший завхоз с армейской базы, с которым Михаил прятельствовал до Пандемии и к которому мы не раз навещались. Сигизмунд держал на Черном Рынке шатер-кабак, иногда мы привозили мясо редких мутантов для его кухни.

Черный Рынок – то еще местечко. Его центр, пропахший кострами, бензиновыми выхлопами, потом, порохом и кровью, называют Ставкой. Там обосновались Хан с приближенными и десяток банд, составляющих костяк байкерской орды. В округе находятся стоянки других бригад, наемников, охотников, торговцев, они клубятся там, как пчелы вокруг улья, то удаляясь, то слетаясь к центру, устраивая временные лагеря иногда на границе Ставки, а иногда далеко от нее.

Что мне теперь делать? Я прошелся по сараю, перебрасывая кулон из руки в руку. Когда друзей много, то это не дружба. Друг всегда только один – настоящий, а остальные, которых ты считаешь таковыми, на самом деле лишь знакомые и приятели. Несмотря на разницу в возрасте, Миха из учителя давно превратился для меня в друга. Единственного друга за всю мою жизнь.

Я вышел наружу и поглядел в ту сторону, куда укатили похитители. Отсюда до ядра Черного Рынка километров двенадцать, дойду засветло.

Надев на шею кулон, я перевесил ружье на грудь и захромал через луг.

Глава вторая

Черный Рынок

Шум я услышал на краю города, хотя какой там город – сплошные развалины. Среди груд кирпича и шлакоблоков высилась относительно целая пятиэтажка, и за ней что-то происходило. Оттуда доносились гул голосов, выкрики... Вроде не дерутся там, но все равно надо быть начеку.

Я на ходу достал перчатки, натянул. Кожаные, с тканевым вставками и обрезанными кончиками пальцев. У перчаток был секрет – маленький, но хороший. А то на Черном Рынке всякое может случиться...

Нога разболелась не на шутку, но я старался идти быстро. По заросшему кустарником пустырю обогнул пятиэтажку и увидел толпу людей в черной коже, косухах и джинсах. По сторонам стояли тачки – в основном мопеды с мотоциклами, среди них пара раздолбанных грузовиков, укрепленный стальными трубами джип со срезанным верхом и легковуха с прибитыми к дверцам меховыми шкурами.

Много народу съехалось, судя по обилию автопарка, большинство окрестных банд подтянулось. Только зачем?

Толпа гудела и колыхалась, доносился гулкий голос – кто-то говорил в мегафон. Из-за голов я не видел, куда все смотрят. Оглядевшись, забрался на балкон пятиэтажки. Сквозь сломанную дверь открывался вид на давно разграбленную

квартиру. У стены мерцали бледно-зеленым три изогнутые кристаллические колонны, отдаленно смахивающие на стеклянные деревья. Кривые, с наростами и ответвлениями, они мягко светились, внутри них то гасли, то разгорались изумрудные сгустки. Жеоды, так эти штуки называются. А всё вместе – аномалия «кристалл». Она радиоактивная и чаще всего возникает в помещениях. У старой аномалии жеоды светятся синим, ну а бледно-зеленый цвет говорит о том, что «кристалл» молодой и пока не излучает. Но и пользы от него нет: артефакты он еще тоже не формирует.

Вообще, всякие странности на планете начались незадолго до Пандемии, когда люди впервые обратили внимание на разрастающийся Лес. Я этого почти не помнил, но Миха говорил, что тогда стали появляться новые виды бактерий, насекомых, резко ускорились мутации, из-за чего вдруг полезло всякое невиданное зверье. А потом ученые выступили с заявлением, которое всех поставило на уши: на территориях, захваченных Лесом – в то время он еще не был настолько опасен, люди могли перемещаться по нему, – происходит ускоренное разложение и переработка токсичных веществ. То есть Лес растворял в себе разное дерьмо, отходы, мусор и химикаты, которые мы тогда в огромном количестве производили, и создавал из них странные аномалии, иногда возникающие даже в местах, которые он вроде бы еще не захватил. Объяснений этой удивительной способности Леса было много. Некоторые считали, что его корни и мицелии успели

протянутся под землей на десятки километров под «чистыми» территориями. Другие – что Лес через электромагнитное поле Земли способен дистанционно влиять на геофизические условия и таким способом подготавливает новые районы для своей экспансии.

Разговоры на эти темы вечером у костра любил вести Михаил, он же заставил меня прочесть несколько учебников, найденных в заброшенной школе. Но если откинуть все эти умничанья, то можно сказать одно: аномалии любых видов – штуки неприятные и почти всегда смертельные.

Хотя не очень-то уютно торчать рядом с «кристаллом», но этот был пока не опасен, если только не хвататься за жемчужины. Из-за раненой ноги я не хотел перебираться на другой балкон, поэтому уселся верхом на ограждении и приставил ладонь козырьком ко лбу.

Толпа окружала давно пересохший круглый фонтан, в центре него была дощатая платформа, на ней – хворост, а сверху лежал чернобородый мужик в одних штанах. Огромное бледное пузо его выпирало кверху. Рядом на платформе пританцовывал патлатый малый в джинсовых бриджах и высоких «ковбойских» сапогах. Он орал в мегафон:

– Солдат – это профессия! Боец – характер! Воин – состояние души! Боха Хмель был могучим воином! Безвременно покинул он ряды Великой Орды, и горе наполняет наши сердца! Пуля подлого бродяги оборвала жизнь Бохи! И не радуется нас, что бродягу того приколотили гвоздями к дере-

ву! Ничто не вернет нам нашего друга и соратника! Вечная память тебе, Боха Хмель, вечный почет и уважуха до скончания времен!

Толпа загудела громче. Патлатый поднял над головой усеянный заклепками черный ремень, с которого свисали чехлы для ножей и кобуры.

– А вот и ремень нашего безвременно почившего Бохи, который сразу после похорон пойдет с молотка! Как и косуха неудержимого Бохи из кожи пятнистого хряка, а еще его сапоги и платок! И главное: помповый ствол могучего Бохи Хмеля, великого воина и покорителя мутантов!

С этими словами ведущий церемонии бросил ремень в руки длинноногой девицы в шортах и меховой курточке, надевшей на голое тело. Она пританцовывала неподалеку от платформы. Рядом, под охраной трех вооруженных мужиков в черных касках, стоял стол с вещами покойного. Подхватив звякнувший пряжками ремень, девица призывно помахала им, качнула бедрами, будто предлагала в придачу к ремню и себя, и положила на стол.

Миха называл кочевников новыми варварами из-за дикарских обычаев Черного Рынка. Поговаривали, что некоторые банды даже занимаются жертвоприношениями, уж не знаю, человеческими или мутантов каких режут на алтарях во славу своим языческим богам. Байкеры считали, что вещам, которые долго носил знаменитый боец, передается его сила. Якобы обычная косуха или даже бандана, перешедшая

к тебе от преждевременно скончавшегося крутого громилы, может спасти от пули... Кто поверит в такое? А среди кочевников многие в это верили. Экипировка какого-нибудь выдающегося кочевника либо сжигалась вместе с ним, чтобы в загробной жизни у него оставались вещи, делающие его сильнее, либо сразу на похоронах продавалась желающим, это зависело от предсмертных распоряжений покойника, а также от решения его приспешников и близких.

Патлатый ведущий в джинсовых бриджах торжественно извлек из кармана большую золотистую зажигалку. Блеснул огонек.

– Настало время позажигать! – заорал он, и толпа взревела. – Да будет огонь!!!

Сотня стволов взлетела кверху, и грохот выстрелов заматался над развалинами. Часто замигали вспышки – у многих были обрезы, порох не успевал выгорать в коротких стволах.

Огонь разгорелся быстро, темный дым поднялся над фонтаном. Патлатый зайцем сиганул с платформы, чтобы не присоединиться на том свете к безвременно скончавшемуся Бохе Хмелю, великому воину и покорителю мутантов. Должно быть, жар пошел нешуточный: ведущий церемонии отдал приказание охранникам, те приподняли стол и отнесли поближе к бордюру, опоясывающему фонтан.

Я привстал, заметив, что на бордюре сидят другие чернокасочки с автоматами – еще охрана, чтоб толпа раньше времени не начала делить наследство неудержимого Бо-

хи. Люди продолжали бесноваться, стрелять и орать. У многих были фляги, кочевники часто к ним прикладывались. Какой-то умник подобрал в воздух бутылку, пальнул по ней, осколки посыпались на головы соседей, и те полезли на стрелка с кулаками.

А ведь если Боха Хмель и вправду известный боец, то на похороны съехались все банды, чьи стоянки сейчас в этом районе. Конечно, кто-то мог и пренебречь, но подобное клан Бохи сочтет за оскорбление. На похоронах временно прекращается всякая вражда – не появиться на них равносильно плевку в лицо близким покойного.

Значит ли это, что и те, кто похитил Михаила, тоже здесь? Или хотя бы кто-то из них, представитель банды?

Я уперся в стену ладонью и выпрямился на ограждении во весь рост, кривясь от боли в ноге. Сощурился. Трудно толком разглядеть что-то в этой толпе, но хорошо видно, что среди техники, стоящей вокруг, ни одного трицикла нет. Насколько похитители могли опередить меня? Они ехали, я шел, временами бежал, но хромая, а значит, в любом случае не быстро. Но и они ехали не по нормальной асфальтовой дороге, таких почти не осталось, а по лугам и пустырям. Серьезную скорость не наберешь, тебя просто выбросит из седла и тачку опрокинешь. Значит, бандиты могли опередить меня часа на три.

Платформа в центре фонтана пылала, запах гари накрыл округу. Надо идти, решил я. Шатер Сигизмунда примерно в

километре отсюда, на краю городской площади. Поговорю с ним и тогда обмозгую, как быть дальше.

Я собрался прыгнуть, когда слева от фонтана мелькнуло яркое пятно – какой-то парень в красной рубахе выбирался из толпы. Уж не тот ли, что мне нужен? Он разболтанной походкой пошел в глубину городских развалин, и я сиганул, чтоб бежать следом.

Нога неловко подвернулась, боль сверлом пробуравила ее. Вскрикнув, я упал на бок. Приклад ружья врезался в ребра.

Скрежеща зубами, улегся на спину, прижал колено к груди и обхватил лодыжку. Ощущение было такое, будто свалился с десятого этажа и, вместо того чтобы разбиться, выжил. Когда боль чуть уменьшилась, сел, затем кое-как выпрямился. Поправил ТОЗ на ремне. Очень осторожно перенес вес тела на раненую ногу, сделал для пробы шаг, другой. Вроде отпустило немного. Ладно, время лечит – главное, не сдохнуть во время лечения.

Хромая, я поспешил вслед за красной рубахой. По широкой дуге обошел толпу, чтоб случайно ни с кем не сцепиться. Здесь была куча пьяных кочевников, и любой мог прицепиться к тому, кто одет не так, как они. Мой шмот на местный взгляд слишком... деревенский, что ли. Убогий. Для кочевых байкеров важен статус, и одеждой его всячески подчеркивают. Размеры черепов – тех, что нашивают на одежду или колют на запястья, предплечья и грудь – количество пряжек на косухе и штанах, толщина цепочек... Всё это име-

ет свой смысл. Миха говорил, что байкерам Черного Рынка бижутерия с наколками заменили перья и раскраску индейцев. Я в своей охотничьей куртке, камуфляжных штанах и грязных ботинках смотрелся здесь как фермер какой-то зачуханный. Это не значит, что каждый тут же попытается на меня наехать, ведь охотники и торговцы на Рынке крутятся постоянно, тут ко всяким рожам и шмоту привычны. Но в разгоряченную пьяную толпу лучше не соваться.

Красной рубахи не было видно. Я попытался ускорить шаг, но добился лишь нового приступа боли в ноге. Прошел улицу, изрытую воронками, как от взрывов, потом ряд палаток, где обосновались торговцы, миновал бывшую авторемонтную станцию. Раньше она пустовала, теперь на асфальтовом пяточке с ремонтной «ямой» и зданием мастерской обосновалась какая-то банда: стоял грузовик с глухим железным кузовом, в котором нем сидели двое вооруженных байкеров, а возле ямы приткнулась пара мотоциклов, один из них с коляской... но вот трицикла не видно.

Вечерело, солнце ушло за развалины. Городская площадь тоже была изрыта воронками, всюду торчали пласты изломанного асфальта. Рывтины и земляные отвалы поросли бурьяном. На другой ее стороне, меньше пострадавшей от боевых действий, стоял Шатер.

Выйдя на площадь, я огляделся и понял, что потерял кочевника в красном. Хотя это мог быть совсем не тот, кто мне нужен, но мог ведь быть и он, и где теперь его искать? Че-

рез площадь протянулись длинные тени, похолодало. Скоро ночь. Приглядываясь, не мелькнет ли где красная рубаха, я зашагал к Шатру.

Движимая недвижимость Сигизмунда имела сложную конструкцию. Состоял Шатер из плотного армейского брезента, шкур, кожи, досок, фанеры и жести. От центрального купола расходились несколько коридоров, а еще к нему были приспособлены целых четыре палатки, причем две из них – большие, командирские, со своей планировкой. Все это, включая деревянные столбы, тросы-растяжки, дощатые и фанерные перегородки и навесы, создавало запутанный лабиринт. В нем было место для укромных спален, которые хозяин сдавал внаем, для двух гостевых залов, большой кухни и кладовых. В центре постройки пряталась бетонная будка бывшей трансформаторной подстанции, на которую Сигизмунд повешивал замков и использовал под склад особо ценных вещей. А еще под шатром был глубокий холодный подвал – амбар для съестного.

Иногда Хан решал, что пора сниматься с места, и Черный Рынок переезжал. Но здесь он стоял уже давно, Сигизмунд успел обжиться. Интересно, что он будет делать с Шатром, когда Хан вновь надумает переселяться?

Нога все не успокаивалась. Подволакивая ее, я подошел ко входу, возле которого на табурете восседал здоровяк в джинсах с кожаными заплатами на коленях и в расстегнутой до пупа рубахе с оторванными рукавами. Он уже давно ис-

коса наблюдал за мной, и когда я приблизился, смерив скептическим взглядом, лениво бросил:

– Из Леса, вестимо?

– Сиг здесь? – Я шагнул в проем.

– Стоять! Куда прешь, харя лесная?

Я повернулся к нему. Огромный, как боров, и, кажется, такой же тупой. К стулу был прислонен черный резиновый молоток с длинной рукояткой. Вышибала, ясно.

Он вытянул ногу, перегородив ею путь, словно бревном.

– Ну, и чё внутри забыл? На шару не наливаем.

– Скучно тебе? – спросил я. – Развлекаешься, клиентов от заведения отпугиваешь?

– Да какой ты, к мутантам, клиент? У тебя даже на шмот людской монет нету, клиент нашелся!

На его правом бицепсе – внушительном таком, как три моих, – был набит бычий череп. Ухмыльнувшись, вышибала плюнул мне под ноги и попал на ботинок.

– Вали назад в свой Лес, мохнатый.

Я заметил:

– Визгливей всех лают дворняги. Они же слабее всех кушают.

До него дошло не сразу. Секунды три, не меньше, длилось постижение тайной истины, сокрытой в моих словах, а потом на здоровяка снизошла... нет, не благодать – на него снизошла злость. Он начал привставать, ощерившись, и тут позади меня раздался женский голос:

– Кирпич, ты оборзел? Ты что себе позволяешь?

Я кинул взгляд через плечо и поэтому пропустил удар, – вышибала по прозвищу Кирпич, схватив резиновый молоток, врезал им мне в грудь.

Ноги подкосились. Упав на спину, я попытался сесть, но он пнул меня подошвой в лицо, разбил губу и опрокинул назад.

– Лежать, мутант! Когда тебе человек говорит «лежать» – ты лежишь, когда говорит «ползи» – ползешь! Понял?!

– Кирпич, прекрати!

В поле зрения появилась темноволосая девушка с ведром в руке и схватила вышибалу за плечо. Тот пихнул ее, и она едва не упала.

Зря он это сделал. Нет, на девчонку мне было начхать. Зря он отвлекся, то есть повторил мою ошибку, и при этом стоял совсем рядом, прямо передо мной.

Я резко сел. Прямой хук правой, так это называет Миха. Только ударил я не в челюсть, как положено, а в туго обтянутый джинсой пах. Не так-то легко двинуть действительно сильно по причинному месту, когда удар направлен не снизу вверх, а горизонтально... Но ведь перчатки! Все дело в перчатках!

Тканевые вставки на суставах были двойные, между ними закреплены стальные шипы. Имелся еще один, самый главный, самый важный секрет, заключенный в правой перчатке, но он мне сейчас не был нужен. К тому же ведь не просто так

я тренировался, годами вколачивая кулаки сначала в подвешенные на стенах мешки с песком, а после и в сами стены, и в стволы деревьев во время стоянок, получал удары от Михи и бил его...

В каждом «пальце» было по два шипа, между ними закреплена стальная «терка» с выступающими пирамидками. Это на случай нормального удара кулаком, а можно еще бить костяшками, тогда верхние шипы торчат вперед, как таран, такой удар особенно опасен, если вколотить в горло или переносицу...

Но сейчас я нанес обычный боксерский удар. Со всей силы, помноженной на раздражение. Мне не было абсолютно никакого дела до этого бычары, не хотелось драться с ним, сто лет он мне снился со своей тупой байкерской заносчивостью! Надо было как можно быстрее разобраться с ним и двигаться дальше, а не устраивать сверку, у кого яйца больше.

Кирпич вскрикнул и отшатнулся. Прижав ладонь к паху, взмахнул молотком...

Если бы я попал под такой удар, меня бы снесло как тростинку. Но я-то был мельче и шустрее этого кабана. Наплевав на раненую ногу, я вскочил и тоже размахнулся – только двумя руками. Ладони сошлись к голове Кирпича и с очень громким, звонким, радостным хлопком вреzали ему по ушам.

Такой удар может разбить барабанные перепонки. Сейчас

этого не произошло, но в голове у Кирпича наверняка помутилось, а еще он на время оглох. И что-то там нарушилось, давление резко изменилось, что ли... вообще-то, подобное не типично для удара по ушам, но из носа у него плеснулась кровь.

Кирпич замычал, повалился на землю, мотая головой и разбрасывая красные капли.

– Ну ты даешь! – подала голос девушка, про которую я, честно говоря, забыл.

Запястьем стерев кровь с губ, я глянул на нее. А ничего так, симпатичная. Надо же, ухитрилась почти не расплескать воду из ведра, когда ее Кирпич толкнул.

– Так козлу и надо! – добавила она.

Голос у нее был, как бы сказать... милый. Девушку с таким голосом сразу хочется приобнять.

Кирпич с мычанием ползал у наших ног, пытаясь одновременно держаться за пах и за оба уха.

– Нет у меня на все это времени, – проворчал я, потер грудь, ноющую после удара молотком, и перешагнул через вышибалу. – Сиг срочно нужен.

– Ну так пошли, – девушка первая шагнула в Шатер.

– Давай ведро помогу нести, – сказал я вслед.

Она в ответ хмыкнула и поставила ведро на земляной пол.

– Надо же, галантный попался. Помогите.

Я на ходу подхватил ведро, тихо ругнувшись от боли в ноге. Девушка спросила:

– Вы с Сигом знакомы?

– Ага. Я тут бывал много раз, но ни тебя, ни Кирпича раньше не видел.

– Значит, давно бывал. Я в Шатре уже с месяц работаю, а Кирпич еще дольше. И кстати, меня зовут Ксюшей. Это я так, на всякий случай говорю, а то тебе, может, неинтересно...

– Я Стас. И как ты к Сигу попала, Оксана?

– Ксюша, – поправила она. – У меня отец умер, кожевник, мы на Рынке жили. Они с Сигизмундом были друзьями, и отец перед смертью взял с Сига обещание, чтоб тот принял меня к себе на службу. Теперь я здесь разносчицей.

– Официанткой, значит.

– Ага, и еще за бармена. Сиг твой...

Она снова глянула на меня и промолчала. Хотела, должно быть, сказать, что Сигизмунд – скупой хрыч и нагружает ее работой, а платит мало, но не решилась, так как не знала, какие у меня с ним отношения и не сболтну ли потом ему про ее откровения.

Но я девчонку уже не слушал, потому что в этот момент увидел парня в красной рубахе. Еще на нем были кожаные штаны с бахромой по швам, а на шее повязан ярко-зеленый платок в черных черепахах. Волосы длинные и собраны сзади в «хвост». К правому бедру пристегнут чехол с обрезом, из узкого кармашка на левом бедре торчит складной нож. Нож я узнал. Лесом клянусь – тот самый, армейский СГС-11, со

сломанным wave-крючком на спинке клинка. Крючок этот умные люди придумали для того, чтобы нож быстро раскрылся, когда достаешь его из кармана. Короче, это раскладной нож Михи. Или ошибаюсь, в кармане у кочевника другой клинок, похожий? Чтобы убедиться, нужно заставить краснорубашечника его достать...

Он сидел за столом в одиночестве и пил из глиняной кружки. При виде нас оживился: подтянул ноги, расправил плечи. Хотя нет, при виде Ксюхи, а не нас, а на меня кочевник внимания не обратил.

Разносчица тоже заметила его и умолкла. Я шел за ней. Подваливать сейчас к этому красному нельзя. У меня нет никаких доказательств, да если бы и были... Почему бы какой-нибудь банде Черного Рынка не ограбить стоянку охотников и не похитить одного? Может, чтобы рабом его сделать. Они в своем праве, никто за меня и Миху не заступится.

Нужно заставить этого красного достать нож из кармана, тогда буду знать точно. Но не устраивать же драку прямо сейчас, без всякого повода. В зале еще несколько кочевников, и все впишутся за него.

Девушка остановилась возле стойки, сложенной из ящиков, поверху обитых досками. Встав рядом, я оглядел круглый зал с небольшими окошками. Высокий потолок подпирало вкопанное в земляной пол бревно, вокруг стояли лавки и столы. Паренек лет тринадцати разжигал огонь в каменном

очаге с вертелом, на котором висела освежеванная свинья, но не мутант, обычная. Красно-розовые бока ее влажно поблескивали. Над очагом в потолке было круглое отверстие, куда уходила жестяная труба вентиляции.

Людей в зале было шестеро – трое кочевников резались в карты и пили, еще двое ужинали, ну и краснорубашечник... Он как раз встал и направился к нам.

Лицо у него было того типа, который нравится глупым женщинам: смазливое и наглое. Наглость они путают со смелостью, а смазливость – с красотой.

– Ксюха, ты ж вечером тут, как всегда? – осведомился краснорубашечник, проигнорировав меня, словно я был табуреткой.

– А тебе зачем, Борзой?

– Сама знаешь – зачем мне! – хохотнул он. – За тем самым. Нам пора поближе познакомиться, теснее, слышишь? Короче, я загляну, прогуляемся.

– Никуда я с тобой не пойду!

Он ухмыльнулся, заломив бровь, с нахальной уверенностью, что для него «все женщины открыты».

– А куда денешься? Короче, жди, вечером у нас свиданка.

С этими словами Борзой окинул девушку взглядом с ног до головы, будто раздел ее глазами, и ушел.

– Козел трехрогий! – высказалась она, когда он покинул Шатер.

Попробовать проследить за ним? Но пока окончательно

не стемнело, Борзой может меня засечь, а рисковать не хочется, слишком рано, ведь еще ничего не ясно. Если Ксюха его знает – поспрашиваю ее, но позже, чтоб не насторожить внезапным вниманием к ухажеру. Тут я заметил, что стоящая сбоку девушка разглядывает меня. Заинтересованно так разглядывает и при этом наматывает на палец черный локон. Язык тела, мать его. Он не обманывает. Ладно, не до того сейчас. Всё в наших руках, поэтому их нельзя опускать. Миша где-то в округе, очень надеюсь, что еще живой, – нужно его найти, а девушки потом.

– Ксюха, где ты шлялась?

Из прохода в соседнее помещение, где раздавался лязг посуды, вынырнул хозяин Шатра с подносом, полным жратвы. Был он невысок, пузат, с большими залысинами и пухлыми короткими ручками. В фартуке. А еще Сиг был суетлив и всегда чем-то озабочен. Вернее, не «чем-то», а тем, как заработать побольше и укрепить свое положение. Более приземленного и ушлого человека я не встречал.

– За водой ходила, – ответила девушка. – Сами же послали.

– За водой пять минут, а тебя пятнадцать не было. Держи! – он сунул поднос ей в руки. – Неси туда, видишь, Ваган со своими сидит? Они уже ждут, почему я сам должен подносы таскать?

Она взяла поднос и ушла к картежникам. Я поставил ведро с водой на пол, пожал протянутую руку.

– Вечно отлынивают, – пожаловался Сиг. – Видел похороны? Боха – один из бригадиров Хана. Часть толпы там останется пить, а часть сюда завалится. Вы тоже, что ли, на похороны? Вы ж не кочевые, вам-то чего... А где Мишка?

– Где-то здесь, – неопределенно ответил я.

– В смысле? – лицо Сига стало настороженным. Нюх на неприятности у коротышки потрясающий, я еще ничего такого не сказал, а он уже встревожился. Именно это и помогло ему выживать на Черном Рынке, и не только выживать, но и, по местным меркам, процветать.

– Сиг, поговорить надо... – начал я.

И тут в зал ввалился вышибала Кирпич с обрезом в руках. Ходящий ходуном ствол смотрел в нашу сторону.

Иногда лучше сразу стрелять, чем говорить. Я без слов пихнул Сига за стойку, одновременно сделав ему подсечку, а сам повалился прямо на край стоящего рядом стола. С грохотом перевернув его на бок, свалился позади. «Махновка» уже была в руках.

С той стороны раздался выстрел. Столешница аж загудела, из нее выбило несколько щепок, но вся дробь застряла в дереве. Донеслись тяжелые шаги – Кирпич бежал ко мне.

– Сдохни, падла лесная! – заорал он как сумасшедший.

Так, безумное веселье не остановить... Но мы попробуем. Он совсем рядом, и он здоровый. Не промахнусь. Не вставая, я лягнул табурет у стойки, перевернув его – это должно было отвлечь вышибалу хоть на секунду, – выставил над краем

столешницы ружье и вдавил спусковой крючок.

Раздался крик и стук упавшего тела.

ТОЗ-106 лучше всего подходит для охраны, охотникам такой короткий ствол не сильно интересен. Хотя на животных ходить с ним можно, особенно некрупных. Кирпич был далеко не мелким, но животным – точно. И ему вполне хватило, ТОЗ ведь у меня заряжен не дробью и не картечью, а обычным патроном. Пальнуть двадцатым калибром – это тебе не горошиной пукнуть.

Перезарядившись в рекордный срок, я вскочил. Пуля попала в бедро – вышибала извивался на полу, хрипел и вращал глазами.

– Вот ты debil! – с чувством сказал я, шагнув к нему. – У меня всего пять патронов осталось!

Носок ботинка врезался в голову Кирпича, он хрюкнул и затих. Кровь текла из простреленного бедра, темной лужей расплываясь по плотно утопанной земле.

Вскочившие картежники приближались ко мне, и лица у них были отнюдь не добрые. Я шагнул назад, переводя взгляд с одного на другого, но тут из-за стойки показался Сигизмунд и быстро разрулил ситуацию. Сначала он утихомирил кочевников, отправил обратно за стол, затем по его приказу бледная Ксюха притащила бутылку водки и налила всем присутствующим в зале клиентам по полстакана «за счет заведения».

С кухни прибежали двое парней, помладше – Игорь, ко-

торый недавно разжигал огонь в очаге, и постарше – Борька. Выглянул усатый повар, оглядел происходящее и скрылся. Сиг, отдав молодежи приказ унести и перевязать Кирпича, зло уставился на меня.

– Ну? В чем дело, охотник, ты какого хрена вышибалу мне завалил?

– Он без сознания, не мертв, – я сплюнул, все еще злой из-за потери патрона. Ко всему прочему только сейчас, в Шатре, мне пришло в голову, что топор, которым собирался отрубить башку горбуну, так и остался лежать на дне ямы-ловушки... Практически я теперь нищий: ружье, пять патронов, три железных рубля, нож и шмот с обувкой, которые на мне. Как прикажете спасти напарника с таким вещевым и боевым обеспечением?

– Сам же видел – он первый набросился, – добавил я.

– Не на ровном же месте! Значит, ты его раньше зацепил!

– Сигизмунд Петрович, Кирпич его внутрь не пускал и молотком ударил, – вмешалась Ксюха, но хозяин так глянул на нее, что она вжала голову в плечи и бочком убралась на кухню.

– Хотел войти, спросил тебя, – пояснил я, когда Сигизмунд снова повернулся ко мне. – Этот умник не пустил, стал оскорблять.

– И ты завелся?

– Наплевать на его оскорбления. Мне просто не до того, у меня важное...

– Не до того?! – он окончательно взбесился. – Ты мне нового вышибалу вырубил! А ну вали отсюда, щенок, и больше не...

Я схватил его за шиворот, притянул к себе и прошипел, глядя в глаза:

– Кочевые Миху похитили. Я за ним пришел. Мне не до разборок со сраными вышибалами. Или ты успокоишься и нормально поговорим, или я тебя прямо здесь урою!

Он замер, уставившись на меня, потом оторвал мою руку от воротника, шагнул к проходу вглубь Шатра и бросил:

– Иди за мной.

Глава третья

Тревожная ночь

– Проблемы с кланом Кирпича будут? – спросил я, садясь на лавку под стеной.

– Одиночка он, – буркнул Сиг, доставая из шкафа янтарную бутылку с двумя стаканами. – Бригадный бы ко мне в вышибалы не пошел.

– Ну, значит, и вопросов никаких нет. Выкинь его.

– А кто мне заведение охранять будет?

Я отмахнулся:

– Найдешь кого-нибудь. Кирпич все равно никакой боец. Слушай, пожрать у тебя тут есть что-нибудь?

– После пожрешь, здесь не держу. Пить будешь?

– Выпью.

В комнате Сига, расположенной в глубине Шатра, стояли продавленный диван, два стула, стол и шкаф. Хозяин до половины наполнил стаканы и сел за стол напротив меня. В бутылке был его фирменный самопальный ячменный виски, которым Сиг потчевал только избранных клиентов за большие деньги. Я взял из блюда изюминку, поднял стакан, выпил залпом. Дыхание перехватило, потом желудок громко булькнул, и по телу пошли гулять волны тепла. Сигизмунд сделал маленький глоток и велел:

– Рассказывай.

Я рассказал. Хозяин слушал с мрачным видом, настороженно, и ясно было, что все это ему не нравится. История вышла недолгая, много времени не заняла. Закончив, я внимательно посмотрел на него.

Мне нужна была опорная база на Черном Рынке. Такая, где я чувствовал бы себя хоть в относительной безопасности. Шатер вполне подходил. Но Сига надо сделать своим союзником, заинтересовать, объяснив, что, если я найду Миху, хозяин Шатра что-то с этого получит. Только что? У меня пять патронов да три рубля... Я сказал:

– Дичь на твою кухню два месяца будем поставлять бесплатно.

– Четыре месяца, – отрезал он. – Раз в неделю.

– Много хочешь.

– А ты спасти напарника хочешь или нет? Еще торгуешься!

– Не факт, что ты сильно поможешь... Ладно, четыре месяца, но раз в две недели, иначе слишком хлопотно выйдет, мы от Рынка вообще никуда отойти не сможем. Всё, забились?

– Ладно.

– Знаешь парня по прозвищу Борзой?

– Это фраер такой в красной рубаше?

– Он самый.

Сиг качнул головой:

– Ничего не знаю. Из новых, раньше его не видал, недавно

появился.

– Что за банда, где их стоянка?

– Не в курсе я, Стас. Но этот Борзой к нашей Ксюхе борзо так пристает, глаз на нее положил и явно хочет еще и руки того... на нее положить. Соответственно, она больше про него должна знать. Надо ее позвать.

Сиг налил мне еще и стал раскачиваться на стуле, покачивая свой стакан между ладонями и хмуро уставившись в него. В голове хозяина явно бродили всякие тревожные мысли. Я глотнул виски, закусил изюминой и задал следующий вопрос:

– Если мы начнем расспрашивать, она не проболтается?

Тому же Борзому?

– Он вроде ей не нравится... – возразил Сигизмунд не слишком уверенно.

– Это ничего не значит. Иногда у женщин «нет» значит «да», а «да» значит «да-да-да!». Может, Борзой этот ей противен, а может, она просто ломается для порядка.

Сиг отхлебнул виски.

– Все возможно. Она недавно у меня, дочка знакомого одного. В целом девка вроде правильная, но стопроцентно отвечать за нее пока не могу.

– Ну, значит, и не надо ее в лоб расспрашивать, подозрения вызывать. Я у тебя ночую, и будет плохо, если сюда по мою душу заявятся те, с кем этот Борзой выкрал Мihu.

– Но он точно один из тех похитителей?

– Я почти уверен. Почти.

– Ты ж, по твоим словам, видел их только издалека. А красные рубахи или там свитера тут не один Борзой носит.

– Но я уже здесь, в Шатре, еще вроде нож Михи узнал. Правда, только рукоять видел. В общем, Борзой обещал Ксюхе, что вечером опять подвалит...

– Кстати! – перебил Сиг. – Ты меня без Кирпича оставил. Так вот – займешь пока его место.

Я удивился:

– Какой из меня вышибала? Я ни ростом не вышел, ни мышцей.

– Без разницы. Махаться умеешь? Вон Кирпича вырубил.

– Ну и что? Для вышибалы грозный вид важен не меньше, чем драчливость. А у меня вид такой... средний. Обычный.

– Все равно, у меня других вариантов сейчас нет. Вышибала нужен. Скоро тут толпа будет. Напьются, тогда пойдут всякие того... эксцессы. Мои парни могут дубинками помахать, так что подсобят, если что. Только тебе шмот нужен более пристойный, чтоб на тебя не лезли просто из-за того, что вид не такой. Я выделю. Все понял?

Допив виски, я поставил стакан на стол и сказал:

– Ладно, поработаю у тебя пару вечеров и заодно понаблюдаю. С Ксюхой ближе познакомлюсь, расспрошу.

– Правильно, как раз хорошее прикрытие для тебя. Никаких вопросов не будет, ну, нанял я к себе нового парня, кому какое дело. Короче, сейчас идем на склад, натянешь другие

панталоны, потом позовем Ксюху, она посмотрит твою ногу, подлечит, наложит компресс. Потом пожрешь – как раз уже ночь, тут веселье будет в самом разгаре. Ночевать выделю комнату на задах, в нее ход и с общего коридора, и отдельный есть, со стороны пустыря. И тайник для ствола имеется.

Он встал.

– Все, хватит болтать, а то у меня полно дел.

– Нет, подожди, – возразил я, – у меня еще один вопрос к тебе, важный.

– Ну?

Я замялся, подыскивая слова. Не хотел рассказывать Сигу про кулон и про оставленный углем рисунок – эти два момента я опустил, когда описывал ему произошедшее.

– Когда вы до Пандемии в последний раз виделись с Михаилом?

– А тебе это зачем сейчас? – удивился он.

– Ну, надо. Ответь.

– Лет, может, за пять или за четыре до того, как все случилось.

– И после того раза вообще не встречались?

– Нет. Только уже сейчас друг друга случайно увидели. Ну ты помнишь, когда вы в первый раз на Черный Рынок заявились.

– А до Пандемии кем он был, в ту вашу последнюю встречу?

– Полковником был. Заведовал охраной армейских пере-

возок Уральского военного округа.

– Крутая должность. Как думаешь, чем Михаил после мог заниматься?

– Ну, может теми же перевозками и заведовал? – Он направил к выходу, но приостановился и добавил, задумчиво оглаживая фартук: – Хотя, если рассудить, был бы Миха на той же службе, я бы столкнулся с ним еще не раз. На самом деле он... вроде как пропал куда-то. То есть последние года четыре перед Пандемией непонятно, чем он занимался. Может, уволился из рядов российской, понимаешь, армии, или, наоборот, в секретный какой проект угодил... А что, он тебе не рассказывал?

– Про это – нет. Скажи еще, Сиг, знак такой: латинская «V», перечеркнутая зигзагом, тебе ни о чем не говорит?

– Не-е, – он покачал головой. – Такого точно не знаю. Что за знак?

– Ладно, неважно, – ответил я, вслед за ним выходя в коридор и через рубаху нащупывая висящий на груди кулон.

* * *

Повязка с компрессом помогла, теперь рана беспокоила меньше. Одетый в потертые черные джинсы с дырой на колене и кожаную рубаху, я сидел на высоком ящике у стойки, потягивал кислое пиво из кружки и неторопливо оглядывал зал. Давно стемнело, народу в Шатер набилось прилич-

но. От жарящейся на вертеле свиньи осталась едва ли половина, Ксюха и присоединившиеся к ней парни Сига, Игорь с Борькой, сновали между кухней и столами, разнося жратву с выпивкой. Дважды мне пришлось отрывать зад от стула, то есть от ящика, чтоб усмирить особо буйных кочевников, однако до серьезных потасовок пока не доходило.

После полуночи народ начал расходиться. Хотя в зале оставалось еще порядочно людей, но свежие клиенты уже не подваливали, и я поманил проходящую мимо Ксюху. Она с готовностью подошла. Раскрасневшаяся, глаза блестят, грудь вздымается под блузкой.

– Еще пива, Стас?

– Нет, так, поговорить просто. Не против?

Девушка выжидающе, с легкой полуулыбкой, смотрела на меня, и я спросил:

– Как тебе здесь?

– Ну, – Ксюха повела плечами. – Вроде нормально.

– Вроде?

– Да что тут может быть интересного? Бегаешь туда-сюда с этими подносами...

– А платит Сиг как?

– Ты сам вроде не понимаешь. Вчера вот рубль дал... Хотя еще еда и жилье. Но все равно, он же скупой.

– Есть такое дело, – согласился я. – Но ведь и клиенты что-то подкидывают?

– Подкидывают, если с ними, – она повела подбородком в

сторону брезентового коридора, уходящего вглубь Шатра, – туда прогуливаться.

В том направлении недавно проследовала пара подвыпивших кочевников в обнимку с пьяной девицей. Я узнал в ней ту, что на похоронах неудержимого Бохи Хмеля стояла у стола с вещами покойного. Для чего эти двое повели ее туда, где были отдельные комнаты с койками, и мутанту понятно.

– А ты, значит, с клиентами по таким делам не ходишь? – уточнил я.

Ксюха на такой откровенный вопрос не обиделась:

– Я девушка приличная и ищу себе мужчину серьезного, постоянного. Чтобы...

Она смолкла, поджав губы.

– Чтобы увез тебя отсюда? – догадался я.

Она смотрела куда-то мимо меня. Я оглянулся. Ну наконец-то!

Кочевник по прозвищу Борзой ввалился в зал вместе с парочкой приятелей.

Приятели эти не понравились мне с первого взгляда. Один, в пятнистом комбинезоне, был какой-то снулый, с пустыми равнодушными глазами. Встречали мы с Михой таких – убийцы. Тихие, безучастные, часто – скрытые садисты, им перерезать человеку глотку в радость, хотя эмоции свои они не проявляют, не умеют. Второй – коренастый мужик лет шестидесяти с седой бородой, в кирзовых сапогах, брезентовых штанах и шерстяной фуфайке. Он смахивал не то

на егеря, не то на крестьянина, лицо у него было грубое и жестокое.

Борзой, войдя в зал, сразу нашел взглядом Ксюху. Глянул на меня и отсалютовал девчонке. Отставив большой палец, ткнул им себе за спину, словно показывая ей, что приглашает выйти прогуляться прямо сейчас, и ухмыльнулся.

– Пришел, козел, – огорчилась Ксюха.

– Часто он к тебе пристаёт?

– Постоянно! Достал уже.

– А чего ж ты с ним неласково? Я смотрю, паренек видный, активный.

– Не люблю я таких. Он как... как петух наглый.

– То он у тебя козел, то петух, – хмыкнул я. – Ты уж определись. А кто это с ним?

– Тот спокойный – Рыба, а второго, кажется, Кузьмой звать.

– Они из клана какого-нибудь? Из банды?

– Не знаю. Недавно появились. Боря, эй, Борька! – позвала она, когда троица проследовала за свободный стол. – Обслужи вон тех, видишь?

– Ты сама чего не пойдешь? – недовольно ответил парень, проходящий мимо с подносом, полным пустых мисок.

– Сам не знаешь чего? Говорю, обслужи! Стас, ты точно больше пива не хочешь? Сиг сказал тебе бесплатно наливать. Я покачал головой, и Ксюха ушла.

Вскоре пиво дало о себе знать. Окинув взглядом зал, я

решил, что, во-первых, никто не собирается в ближайшие минуты устраивать потасовку, а во-вторых, Борзой с приятелями пока что сидят на месте и никуда не уходят. Опустошив кружку, я покинул зал через проход за стойкой, миновал кухню, коридор, свернул – и очутился возле брезентовый клапана, застегнутого на молнию. Ее фиксировал висячий замок. Достал кольцо с двумя ключами, полученными от Сига, раскрыл замок и шагнул в отведенное мне помещение.

Каморка была совсем небольшая. Из мебели только вешалка и низкая койка, то есть доски на камнях, сверху шкуры да набитая соломой меховая подушка.

Одна стена каморки была не брезентовой, а деревянной, с дверью. Потолок наклонный и низкий, я почти цеплял его макушкой, хорошо, хоть пол не земляной – там ковер из шкур. В углу их можно откинуть, под ними в твердой земле углубление, а в нем – длинный сейф. Сиг сказал, что ниже еще на полметра залит цемент, а к днищу сейфа приварены штыри, наглухо уходящие в бетон.

Сейф был закрыт на цифровой замок, шифр от которого хозяин дал мне вместе с ключами. Набрал комбинацию, я раскрыл дверцу – ТОЗ и патроны на месте. Обычное ружье в ящик бы не влезло, но короткоствольная «махновка» как раз поместилась. Доставать ее я сейчас не собирался, только проверил сохранность. Все-таки оружие – самое ценное из того, что у меня на данный момент есть.

Проверив сейф, я обернулся к осколку зеркала, висящему

на вбитом в стену гвозде. Поправил ворот кожаной рубахи, оглядел себя. Каждый видит в зеркале то, что он заслуживает, и каждый считает, что заслуживает лучшего. Я видел парня с худым лицом и темными, остриженными «ежиком» волосами. С тонким шрамом справа на лбу и еще одним, едва заметным, на левой скуле. У мочки левого уха не хватало кончика, но это тоже было почти незаметно.

Накинув куртку, я провел по волосам ладонью, вышел из каморки через деревянную дверь и запер ее за собой.

Снаружи было темно, прохладно и сыро. Пока торчал в зале, прошел дождь – пахло влажной землей, но едва ощутимо, все забивал запах костров. Их по округе полно, ведь электрический свет, помимо того, что дают аккумуляторы машин, есть только в Ставке. Там у Хана стоят разборные ветряки и, говорят, даже солнечные батареи.

Позади Шатра никого не было. Слышался приглушенный шум голосов, доносящийся из питейного зала. Рядом на фоне усыпанного звездами неба высилась башенка на крыше диспетчерской – когда-то здесь была большая автобусная станция. Я не спеша, с чувством, помочился и зашагал к ней.

Ржавая пожарная лестница привела меня на верхний этаж. До катастрофы это был застекленный короб под крышей башни, вроде такого диспетчерского пункта наблюдения, теперь же от него остались только железные ребра. Пройдя по усыпанному мусором полу, я встал на краю.

Черный Рынок не спал. Горели огни, лаяли собаки. Пах-

ло дымом. Развалины образовывали темный лабиринт, иногда по нему двигался свет фар, лучи выхватывали из тьмы части стен, остатки кирпичной кладки, кусты, груды земли и камней. Яркое пятно света горело там, где была Ставка. Я разглядел ветряки, мерно вращавшиеся длинные тени от их лопастей.

Вдруг по спине прошла волна дрожи, а в голове словно что-то сдвинулось. Лес заberi, неужели начинается... Точно! Я присел на корточки, подождал немного, но странные ощущения не проходили, а только усиливались. Пришлось усесться, скрестив ноги, и прикрыть глаза.

И сразу же в темноте под веками протянулась тусклая линия – неровная граница далеко на востоке. Граница Леса. В реальности я не мог разглядеть его отсюда, с верхнего этажа диспетчерской башни, но я видел его внутри своей головы.

Не только у Михи есть тайна, у меня тоже. Иногда мне казалось: он догадывался, что со мной что-то не так, но вслух мы об этом не говорили. Ни разу ни с кем я не обсуждал свои видения. *Мерцание*, как я называл их.

Лес. Там, вдалеке – темный, странный, страшный. Чуждый. Разумный. Я смотрел на него, а он смотрел на меня.

А еще я видел *их*.

Они выглядели как тусклые светящиеся пятна. Ползали за той границей, где начинался Лес, клубились, меняя очертания. Иногда превращались во что-то знакомое, вроде силуэтов зверей или людей с очень длинными тонкими конеч-

ностями, без голов и ступней. Но чаще всего это были просто расплывчатые амебы, живущие своей странной жизнью среди лесных просторов, где не ступала нога человека.

Может, я просто сумасшедший?

Иногда существа – я называл их *мерцающими* – подползали близко к границе, скапливаясь в одном месте, привлеченные непонятно чем. А может, запахом? Запахом человеческой мысли? Что, если они чуяли меня, понимали, что я вижу их? Или никаких мерцающих нет, все это только мой бред? Я всего лишь больной на голову псих, которому надо лечиться, да негде!

Эта мысль пугала больше всего.

Несколько минут я сидел неподвижно, с закрытыми глазами глядя на мерцающих. Множество их собралось у границы Леса, они ворочались, слипшись в рыхлую световую массу. Еще я слышал тихий шепот – непонятный, глухой, далекий.

Потом они стали отползать, бледнея, растворяясь в безграничном мраке Леса, и вскоре исчезли. Померкла неровная светящаяся граница, стало совсем темно.

Раскрыв глаза, я выпрямился. Помассировал виски. Немного кружилась голова, в ногах была слабость. Интересно, когда-нибудь я попаду в Лес? Там не выживают. Говорят, лишь некоторые люди из поселения Край могут находиться в Лесу. Краевцы вообще чудной народ. Еще говорят, есть особые настойки, выпьешь такую – и можешь какое-то время гулять по Лесу, не опасаясь его реакции, взрыва спор из

ульев, атаки зверья, Шторма или другой напасти, которую он способен наслать. Только кто их готовит, те настойки? Лично я не видел ни одного такого умельца.

Хорошо иметь свою большую тайну, нечто, отличающее тебя от других людей. Но плохо, когда эта тайна пугает тебя самого. Когда абсолютно не можешь понять, что все это значит. Я просто не знал, что делать с приступами мерцания.

Руки дрожали. Я спустился по лестнице, постоял, привалившись лбом к стене диспетчерской, и пошел обратно в Шатер, но не прежним путем, а в обход.

Было уже совсем поздно – то есть так поздно, что скоро станет рано. Обогнув заведение Сигизмунда, я вошел внутрь. Увидел, как у стойки Борзой держит за локоть Ксюху, и поспешил к ним через зал, натягивая перчатки. Кинул взгляд на места, которые кочевник занимал с двумя друзьями, – его приятелей там уже не было. Ушли спать или допивать в свой лагерь, а он, значит, решил нагнуть-таки девчонку...

В зале оставалось меньше десятка байкеров, и большинство едва держались на ногах. Сига не видно. Борька за стойкой протирает стаканы, молодой Игорь снимал вертел с очага, где дотлевали угли.

Борзой крепко держал Ксюху, не давая высвободиться. Я остановился за его спиной.

– Хватит ломаться, – говорил кочевник, – надоело тебя уговаривать. Ну, пошли!

Он грубо ухватил ее за плечо, потянул... а я грубо ухватил его за свисающий на спину «хвост». И тоже потянул: резко книзу, откинув голову назад, потом – вбок, разворачивая к себе. Он крикнул от боли и попытался в повороте врезать мне локтем. Я отступил. Теперь мы стояли лицами друг к другу, боком к стойке. За ней Борька вылупил на нас глаза.

– Ты... а, вышибала! – прохрипел Борзой. – Охренел, быдло тупое?! Я тебе уши отрежу!

– Семь, – сказал я, окидывая взглядом его ярко-красную рубаху, штаны с бахромой, шейный платок, золотой браслет на запястье.

– Чего?!

Я пояснил:

– Сначала думал – десять. А теперь вижу – нет, семь.

– Ты чё несешь?!

Левой он потянул из кармана нож. Я понял, что бить им Борзой не собирается, по крайней мере, сейчас. Обманный маневр, чтобы отвлечь внимание от правой руки, которая в это время сжала глиняную кружку на стойке. Ту самую, из которой я пил, до того как покинуть зал. Ею бандит собрался сбоку вмазать мне по голове, он даже двинул локтем той руки, которой держал нож, чтобы еще сильнее сбить меня с толку. И в тот же миг ударил кружкой.

Раз! – я упал. Нет, не в прямом смысле, просто расслабил и подогнул ноги, будто провалился вниз, мгновенно присев на корточки, правая рука вытянулась вперед – и стальные

шипы перчатки вломились в коленную чашечку Борзого. В это время кружка пронеслась над моей головой.

Два! – левая рука наискось вверх, второй удар – шипами по локтю – Борзой вскрикивает, до него только сейчас доходит, что он получил уже два... а теперь три очень болезненных удара. Я выпрямляюсь, нога взлетает, колено прижато к диафрагме, распрямляется – и подкованный каблук врезается в бедро – четыре! – бьет сбоку, поскольку в результате собственного замаха Борзой развернулся вполоборота ко мне. Пять! – кочевник грудой костей падает на пол – шесть! – наклонившись, выдергиваю нож из его кармана, отщелкиваю клинок, приставляю к горлу и говорю, внимательно глядя в глаза:

– Семь. И у тебя десять секунд, чтобы свалить. Иначе нарежу.

Выпрямляюсь, морщась от проснувшейся боли в ноге. Всё.

Миха говорил: ты никогда не будешь силачом. Ты жилистый, но не мощный. Гибкий, но не очень-то сильный. Не обольщайся насчет себя. Любой увалень сомнет тебе ребра кулаком, если попадет. Смысл в том, чтобы использовать свои плюсы и не дать врагу воспользоваться минусами. Первое: работай по суставам. По ним нужно наносить короткие быстрые удары. Второе: действуй неожиданно и резко. Неожиданность, запомнил? Только на ней сможешь выехать в драке. Быстро входи в клинч и сразу отскакивай. Позво-

лишь себя схватить – тебе конец. И в подтверждение своих слов он во время очередного спарринга, если я не успевал вывернуться, хватал меня в медвежьи объятия, сдавливал так, что хрустели ребра. Еще напарник тренировал меня «работать по суставам». Колени болели, локти ныли, саднило кулаки, я месяцами ходил в синяках, но постепенно костяшки пальцев и мягкие ткани твердели, привыкая в нагрузке, и я учился наносить все более короткие и резкие – «кинжальные», как Миха называл их, – удары.

Борзой встал на четвереньки, преодолев таким манером ползала, выпрямился. Хромая, плетью свесив правую руку, он покинул Шатер.

Я защелкнул нож – тот самый, Михин! – шепнул глядевшей на меня вытаращенными глазами Ксюхе: «Я вернусь» – и нырнул в коридор за стойкой. Пробежав его, раскрыл клапан в свою каморку, вытащил из сейфа ружье, выскочил через дверь. Запер ее и рванул в обход Шатра.

И очутился по другую сторону как раз вовремя, чтобы увидеть, как силуэт в красной рубаше удаляется, хромая, между развалин. Пригибаясь, я поспешил за ним. Он приведет меня на стоянку банды.

Пора разобраться с уродами.

Глава четвертая

Люди и уроды

Быстро стало ясно, куда направляется Борзой.

Поняв это, я кивнул сам себе: так вот в чем дело! Хорошо, что стоянка бандитов недалеко, но, если Миха жив, где именно они его спрятали?

На бывшей автомастерской горел костер. Вокруг сидели трое, еще одного я увидел на фургоне грузовика, а пятый расположился на крыше мастерской. Причем последние двое не просто так сидели, это были вооруженные охранники. Иногда они оглядывались, иногда вставали и прохаживались. Интересно, зачем охранять лагерь, который находится почти у самой Ставки? Здесь некому напасть. Разве что конкурирующая банда решит наскочить.

Так или иначе, они насторожены и чего-то опасаются. Это плохо.

Когда стало ясно, что Борзой идет напрямиком к костру, я пригнулся еще ниже, перебежал от дерева к кустарнику, а оттуда – к большому куску бетона, лежавшему на границе стоянки. Присел за ним и очень осторожно выглянул.

Всё, дальше двигаться нельзя: костер горит ярко, и если не с грузовика, так с крыши мастерской меня точно засекут. Ладно, что мы тут имеем?.. Прямоугольник асфальта, на нем – длинное здание мастерской, ворота выломаны, ви-

ден большой зал. Перед мастерской, задом к ней, стоит грузовик. Слева от машины – ремонтная «яма», справа – костер. Я сейчас гляжу на все это спереди, то есть нахожусь перед покатою кабиной грузовика.

На крыше фургона сидел охренеть какой огромный мужик, метра два ростом, если не больше. Я не мог понять, что у него за ствол, но было такое впечатление, что это ручной пулемет. А вот часового на крыше мастерской почти не видно – виден только силуэт, едва подсвеченный снизу.

Вокруг костра лежали шкуры, на них устроились трое бандитов. Пахло жареным мясом и крепким куревом. Двоих я узнал: Рыба и Кузьма. Бородач-егерь курил, неторопливо затягиваясь, уголек самокрутки разгорался и угасал. Третий сидел ко мне спиной. Обычного роста, бритый череп, очень широкие плечи. Пока больше о нем сказать нечего.

Ну, и где Миха? Заперт в одной из комнат рядом с ремонтным залом? Или связанный лежит на дне бетонной ямы? Нет, последнее – вряд ли.

Когда Борзой подошел к костру, Рыба не пошевелился, а Кузьма с третьим бандитом подняли головы. Великан на грузовике повернулся, скрипнув железом. Часовой на мастерской не двигался – может, заснул?

– Я тебе сказал: долго не бухать, – угрюмо произнес тот, что сидел спиной ко мне. – Почему хромаешь? С рукой что? Ясно, старший. Главарь.

– Да я... – заговорил Борзой, – там с одним... хреном из

леса! Сцепился с ним...

– Сцепился? – на бритой голове заиграли отблески костра, когда главарь всем корпусом развернулся к Борзому, неуверенно топтавшему у костра.

– Ну, так вышло...

– Что ты лепечешь, придурок? Судя по тому, как ты хромаешь, он тебя отметелил.

– Не, Метис, ты послушай...

– Чего мне тебя слушать? Сказано было: скоро дело очень серьезное, ни во что не вступать. А ты?

– Да я... Девка эта, понимаешь? Шлюха – а не дает! Я к ней и так, и сяк... А этот... Ну, он вышибала там новый. Пошли, замочим его, Метис, – горячо шептал Борзой, склоняясь к главарю. – Он жлоб какой-то, из Леса только выполз... у-у, морда тупая! Давай его завалим, к Лесу бога душу его мать!

– Шум, сказано было, не поднимать, – отдельно повторил тот, кого звали Метисом.

– Да какой шум! Мы тихо! Зарежем его, чик – и жмурик!

– А сам, значит, не можешь? – спросил Кузьма, выпустив в небо клуб дыма.

– А ты молчи, борода! – окрысился Борзой. – Вертухай, блин, чья б мычала! Метис, ну, пошли...

Борзой еще ниже склонился к главарю. Я не понял, что произошло, не увидел удара, но кочевник в красной рубашке вдруг отлетел назад и стукнулся затылком об асфальт. При-

подняв голову, он застонал:

– Мети-ис, ну ты чего...

– Дурак ты, – тот вроде и не шелохнулся. – Еще раз встрянешь в такое, я тебя убью. Не посмотрю, что племянник. Ты понял? Понял, дурак?

– Понял, понял я, – Борзой перевернулся на живот, подполз к костру и с трудом сел.

– Всем спать, – приказал Метис, затем повысил голос: – Боров, Гига – дежурить дальше, через два часа Кузьма с Рыбой сменят. Все, тишина.

Он как сидел – так и лег на бок. Подчинение в банде было, судя по всему, полное, никто в ответ не сказал ни слова. Остальные трое тоже улеглись, подтянув к себе шкуры, накрылись ими. Кузьма щелчком отбросил самокрутку, та упала на асфальт, разлетелась искрами и погасла.

Я продолжал наблюдать. Спустя пару минут Борзой сел, оглядел других, вороватым движением достал из шкур фляжку, раскрыл и надолго припал к ней. Убрал, вытащил пачку сигарет. Веткой выкатив из костра уголек, прикурил.

Стало совсем тихо. На грузовике здоровяк выпрямился, потянулся с громким зевком. И правда великан, больше Кирпича, а ведь тот немаленький. Такого, как вышибалу, на «раз-два-три» не свалишь. Боров – почти наверняка эта кликуха принадлежала именно часовому на грузовике – прошелся по кузову, и я понял, что в руках у него действительно ручной пулемет, с торчащим кверху длинным загнутым

магазином. Во дает мужик! Такой ствол весит целую тонну. Встав спиной ко мне на другом конце машины, Боров махнул рукой часовому на крыше, и тот в ответ отсалютовал. Не спит, значит. Великан повернулся боком ко мне, сел и замер.

Я внимательно оглядел грузовик. Фургон обит железом, двери не видно – она в торце, обращенном к мастерской. Сбоку два окна, закрытые железными ставнями. Еще и засовы на них. Снаружи. Почему так?

Миха внутри, вот почему.

Конечно, я не знал этого наверняка, но возникла полная уверенность: он там. Не в одной из подсобок внутри мастерской, не на дне бетонной ямы – в фургоне.

И сейчас мне туда не пробраться. То есть чисто теоретически я могу обойти мастерскую, залезть на нее с тыла, тихо подползти к часовому, Гиге этому, еще тише снять его, также неслышно спуститься, затем, улучив момент, когда Боров будет смотреть в другую сторону, подобраться к грузовику, забраться на фургон, перерезать глотку великану... Но практически – это нереально. Я не ниндзя и не человек-невидимка. На крыше обязательно что-нибудь скрипнет, Гига, или Боров, или кто-то у костра обязательно услышат – в общем, меня засекут. И Мишу не спасу, и сам спалюсь.

Главное, у меня до сих пор очень мало информации. Даже предположений нет, зачем они выкрали напарника. Надо вернуться, еще раз все обдумать, попытаться раздобыть новые сведения, порасспрашивать людей. А завтра действо-

вать. То есть уже сегодня, скоро рассвет.

Была и вторая причина, по которой я не спешил начинать прямо сейчас: мучительно хотелось спать. На ногах с раннего утра, ранен, ходил много от стоянки до Черного Рынка, по веревке ползал, стрелял, дрался дважды. Насыщенный день. А тут пара часовых в разных точках и на разной высоте, трое людей у костра... В таком состоянии точно не смогу разобраться со всеми.

Борзой, докурив, улегся. Я на корточках тихо попятился от своего укрытия, потом выпрямился и пошел обратно в Шатер.

* * *

Заведение уже закрылось. На табурете, завернувшись в одеяло, дремал Борька с АК на коленях, входной клапан был затянут. Я обошел Шатер и попал в свою каморку, воспользовавшись задней дверью.

Днем в коридоре у кухни я заметил большую бадью с водой и теперь решил ею воспользоваться. Разделся, в одних штанах прошел туда, по дороге сняв с крюка, вбитого в столб, тускло горевшую газовую лампу. Наскоро помывшись, вернулся к себе. Хорошо, что шкуры на кровати чистые и, кажется, без блох. Поставив лампу на пол, я положил «махновку» у края койки и с наслаждением вытянулся на ней. Увидел, что не навесил замок на кольцо молнии, за-

крывающей входной клапан, понял, что встать и сделать это нет уже никаких сил...

Брезент шевельнулся, застежка тихо звякнула. Ствол ТО-За уставился в лицо вошедшему.

То есть вошедшей.

– Хочешь застрелить девушку? – спросила она.

Поспал, называется. Я тихо вздохнул. С другой стороны, даже удачно, мне ведь кое-что пришло в голову по дороге от стоянки бандитов, и девчонка нужна для воплощения плана.

– Стрелять не буду, но могу поцеловать, – сказал я.

Ксюха пошла к кровати. На ней была только мужская рубашка, застегнутая на две нижнюю пуговицу, и больше ничего. Ствол ружья все еще смотрел на гостью. Она приближалась медленно, глядя мне в лицо, пока металл не коснулся нижней части живота, скрытого рубашкой. Словно не заметив этого, Ксюха спросила:

– Где ты был?

– Дышал воздухом.

Я слегка опустил оружие, подцепил край рубашки и медленно повел стволом вверх, задирая ее. С протяжным вздохом Ксюха отстранила ружье, встала коленями на край кровати, затем качнулась вперед – и мягко упала на меня, прижавшись всем телом.

Она тихо сопела мне в ухо, устроившись у стены, на боку, закинув на меня согнутую ногу и обняв, щекой на моем плече. Лампа погасла, но сквозь щели в деревянной стене проникал тусклый утренний свет.

– Почти утро, – сказал я. – Так и не поспал.

– Жалеешь? – спросила она. – Хотел бы сейчас быть один?

– Не жалею. Но спать-то все равно хочется.

– С утра в Шатре никого. У меня дела по хозяйству, а ты до двенадцати можешь не вставать. Или дольше.

– Не могу, у меня тоже дела.

– Чем ты занимаешься? Охотишься... а еще что?

– Да ничего, – пожал я плечами. – Просто охотимся.

– Охотимся? Так ты не один?

Я пояснил нехотя:

– Напарник у меня есть, Михаил. Он... в другом месте сейчас.

Ксюха погладила меня по груди, ноготком коснулась впадины под моим горлом и задумчиво проговорила:

– Я видела, как ты дрался. С Кирпичом, потом с Борзым. Ты совсем не боялся. У тебя глаза такие были... как будто равнодушные. Тут частые драки, я же вижу: у мужиков в глазах всегда или злорадия, или страх, а обычно и то, и другое. А у тебя не было. Ты что, вообще не боишься?

Глядя в скошенный брезентовый потолок, я сказал:

– Отбоялся уже.

– В смысле?

– Я должен был умереть давно. Можно сказать, что умер.

Чего мне теперь бояться?

Она уставилась на меня, приподняв голову.

– Как это – умер? Во время Пандемии?

– Немного позже. Да неважно, забудь.

– Нет, важно. Расскажи.

– Тут особо нечего рассказывать. Это когда мы с Мией познакомились, с напарником... Он старше меня лет на тридцать, наверное. И он на самом деле мой учитель, а не напарник. Только в последнюю пару лет мы как бы на равных стали, а раньше... В общем, мне было двенадцать, родных никого, все погибли или пропали. Я тогда впервые убил человека. Один бомж устроил логово в подвале бойлерной, натаскал туда кучу продуктов из ближайшего магазина, который почти сразу после этого разграбили мародеры. У бомжа была двустволка и еще набор тесаков из мясного отдела. Он в бойлерной засел, спрятался то есть, я один про его логово знал. У меня началось воспаление легких, плюс с голоду уже совсем подыхал. Забрался я на крышу бойлерной с большим камнем и стал ждать. Долго ждал, почти сутки. Бомж наружу вышел по своим делам, потом назад – и я ему на голову сбросил камень. Убил, оттащил тело, вернее, откатил в сторону. Уже совсем без сил. Залез в бойлерную, заперся, по-

ел немного и вырубился. У меня жар начался, видения всякие... Внутри бойлерной – трубы, всё в мазуте, ветошь воючая, кирпичные стены, глухо, темно. Я за трубой лежу, в тряпье завернулся и брежу. То отца увижу, то мать, хотя ее и не помнил вроде совсем. То чертей каких-то. Мутантов. Потом вдруг стал Лес видеть... – я запнулся.

– Что? – удивилась Ксюха. – Как это, Лес?

– Говорю, бредил. Почти умер, помню даже темный туннель и свет в конце... Ну, про который говорят, что перед смертью люди видят. Свет уже совсем близко, я почти в него влетел, но тут сзади будто позвали, я оглянулся – а там лицо. Как будто в туннель заглянул кто-то. Протянул ко мне руки, схватил и вытащил обратно. Потом оказалось, что это Миха. Он зашел в бойлерную, искал убежище на ночь. Так, случайно... И спас меня. Прямо оттуда, с той стороны вытащил. Остался со мной, выходил. Ну и научил выживать.

– И ты... – начала она.

Я перебил:

– И я с тех пор ничего не боюсь. Не потому, что такой крутой, просто разучился. Как будто выжгло это из меня тогда... Все, забудь, что я рассказал. Больше не буду про это. Как тебе этот Борзой, очень не нравится?

– Конечно, не нравится! – вскинулась Ксюха. – Он трус! Женщины это чувствуют.

– Сильно достает?

– Сильно, – вздохнула она и медленно-медленно повела

ногтем вниз по моей груди. – Но теперь ты меня защитишь?

– Я постоянно возле тебя не буду. А Борзой этот без тор-мозов парнишка, судя по всему.

Пока я говорил, палец продолжал ползти вниз, достиг моего живота и пошел дальше.

– С ним надо вопрос решить раз и навсегда, – заключил я, взял руку Ксюхи и вернул ее обратно на грудь.

– Как это – решить вопрос? Ты его убьешь?

– Какая тебе разница, что я с ним сделаю? Тебе нужно, чтобы он больше не приставал, правильно? Вообще не появлялся, ни когда я рядом, ни когда меня нет.

– Ну... да, – согласилась девушка. – Конечно, я этого хочу.

Но что ты можешь сделать?

– Что могу – я сделаю. Но мне надо, чтобы и ты кое-что сделала. Помогла немного.

– Как?

– Знаешь лесопилку где-то в километре на юг отсюда?

– Знаю, ее все знают. Заброшенная, там еще речка рядом.

– Правильно. Сейчас мне надо поспать, а после обеда...

Слушай внимательно...

* * *

Лесопилку окружал высокий забор в проломах, неподалеку по дну каменистой расселины текла быстрая холодная речка. Здесь было несколько строений, и самое большое –

столярный цех. В центре его стоял станок для распилки бревен, с широкой станиной, из которой выступал ржавый диск циркулярной пилы.

Плотно обмотав полосками меха доставшийся в наследство от Кирпича резиновый молоток, я сидел на балке над входом. Цеховые ворота были выломаны, в проем задувал ветер, шевелил траву, проросшую между половыми досками.

– Ксюха! – позвал знакомый голос, и в проеме возникла тень. – Ты где? Сама ж сказала приходить, а теперь прячешься!

Донеслись шаги.

– Хватит, вылазь давай, – недовольно добавил Борзой, входя внутрь.

Когда он прошел подо мной, я согнул ноги в коленях, зацепился ими за балку и кувыркнулся лицом вниз, взмахивая молотком.

Хрясь! – и Борзой без звука валится на пол. Хватаюсь за балку, прыгиваю, выдергиваю из чехла на бедре кочевника обрез, потом бью его молотком еще раз – по темени.

Нога снова болит. Наплевать. Спустя минуту Борзой лежит на станине, руки – ноги разведены в стороны и привязаны к скобам, диск пилы – аккурат между ног. Устрашающее зрелище, жаль, что не получится запустить станок, электричества на лесопилке давным-давно нет.

Пока Борзой не очнулся, я хорошенько обыскал его. В сумочке на ремне обнаружили тридцать железных рублей,

небольшой брусок золота, десяток начиненных дробью патронов к обрезу, начатая пачка сигарет «Кэмел» и коробок спичек.

Когда Борзой пришел в себя, я с сигаретой в зубах прохаживался вдоль станины, сжимая в одной руке молоток, а в другой нож Миши. Приподняв голову, кочевник посмотрел на диск пилы, перевел взгляд на меня и заорал:

– Снова ты, сучара?! Тебе чего надо?! Тебя же уроют, падлу!

– Не строй из себя смелого, – посоветовал я. – Ты не смелый, мы оба это знаем. Времени мало, сейчас ответишь на мои вопросы, тогда отпущу.

Последнее было ложью, но я не собирался быть с ним благородным.

– Да хрен тебе на рыло! – снова заорал он. – Знаешь, что наши с тобой сделают? Метис что сделает?! Освежает живого! Голову отрежет и в зад засунет! А ну отпустил быстро!

Я опять прошелся вдоль станины, затягиваясь и выдыхая дым через нос. Потом взмахнул рукой...

– А-а-а-а!!! – завопил Борзой, когда молоток впечатался в его лодыжку.

– Ты что творишь, паскуда?! Прекрати!!

Я еще раз ударил по тому же месту. Он взвыл дурным голосом. Удовольствие от всего этого я не получал ни малейшего, но именно поэтому дело нужно было закончить побыстрее. С видом маньяка, покачивая молотком, снова обо-

шел станину. Наклонился над Борзым. Глаза его наполняли злоба и страх. Те самые злоба и страх, о которых говорила Ксюха. Я показал ему раскрытый нож.

– Это – моего напарника. Которого вы схватили вчера.

– Так ты... – выдохнул он изумленно. – Я думал – из-за девки! А ты охотник?! Мутант, тварь! Урод шизанутый! Мы же тебя растерзаем, суку беспородную, мы...

Я сделал быстрое движение ножом, и алая нить протянулась через его шею у подбородка. Потекла кровь.

– Прекрати! – взвизгнул он.

– Отвечай на вопросы, иначе буду тебя то бить, то резать. Резать – и бить по ране. Охрененная боль. Поэтому лучше просто отвечай на вопросы, Борзой. Михаил жив или нет?

– Пошел ты к матери!.. – завопил кочевник и захлебнулся, когда молоток ударил по подбородку снизу. Кровь из разреза брызнула, как под давлением, потекла по шее и скулам.

– Не надо мать всуе поминать, – посоветовал я. – Жив или нет?

– Жив он! Жив!

– Тихо говори. Тихо и внятно, чтоб я не переспрашивал. И возьми себя в руки, ты мужик или курица? Просто отвечай на вопросы. Ты понял?

– Понял, – прохрипел он.

– Где держите Михаила?

– В грузовике. На нашей стоянке грузовик крытый...

– Знаю. Зачем его схватили?

– Ну, нужен для чего-то Метису.

– Для чего нужен? Мы – простые охотники. А вы приехали за пятнадцать километров. Для чего?

Он часто моргал, глядя на меня. Потом сказал:

– Не знаю я. Не знаю! Метис никогда не говорит, что задумал.

Зрачки Борзого расширились, когда лезвие ножа плашмя прижалось к щеке под веком так, что кончик почти коснулся глаза.

– Сейчас вырежу тебе глазное яблоко, – пообещал я. – Отвечай: для чего выкрали моего напарника?

– Ты тварь, сволочь, – прошептал он. – Зверь, в натуре зверюга!

– Отвечай или прощайся с глазом. Почему забрали напарника?

– Потому что его Кузьма узнал.

– Что значит – узнал?

– Кузьма раньше, давно, вохровцем был. Или как их... Ну этим, охранником, ментом. Конвойным. Зэков перевозил. Твой напарник недавно на Черный Рынок заезжал, сам...

– Патроны покупал, – кивнул я.

– Не знаю, может, патроны, Кузьма его увидел случайно. Узнал.

– Что Кузьма конкретно говорил?

– Мне ничего не говорил. Они с Метисом толковали. Наш старший никогда ничего не рассказывает, пойми! Я только

так... урывками... Догадался или что подслушал... Кузьма твоего напарника перед этой, пандемией...

– Пандемией.

– Да, перед Пандемией видел. Кузьма куда-то эков привез... Непонятно куда. Какое-то место такое... стремное, короче. Этот, Миха твой, там был. Может, служил или что? Не знаю.

– Дальше говори.

– Ну, не знаю я больше ничего! Метис решил: если твоего напарника схватим и он расскажет что-то, то мы разбогатеем. Пойдем в то место, где его видел Кузьма, и крутыми заделаемся.

Сигарета в зубах дотлела до фильтра, я выплюнул его и сказал, похлопав пленника ножом по щеке:

– По-моему, ты что-то недоговариваешь.

– Все я договариваю! Метис думает, что после этого дела он самого Хана сможет скинуть! На всем Черном Рынке главарем стать!

– Скинет Хана? – удивился я. – Не чересчур ли? Это что ж за место и что в нем такое спрятано, чтоб в результате можно было захватить власть на Рынке?

– Это ты у Метиса спроси, он так решил, а я не при делах!

– Ладно, – задумчиво сказал я, убирая нож от его лица, – давай повторим, чтобы все было понятно. До Пандемии Кузьма перевозил уголовников. Привез очередную группу куда-то... точно неизвестно, но в том месте был Михаил. Кем

он там был, чем занимался – ты не знаешь. Хотя место интересное и необычное. Кузьма там Михаила видел и запомнил. Пока все ясно, но дальше странность. Зачем вам Михаил сейчас, если Кузьма там был? Почему он сам не ответит Метиса в то место?

– А может, туда доступ какой-то особый, и теперь только напарник твой знает, как попасть? Или, может, Кузьма вообще не в курсе, где это место. Ну, сидел в этом... в автозаке, маршрут не запомнил. Я не знаю!

– А мне кажется: знаешь, но темнишь.

Я поднял с пола обрез Борзого и нацелил на его правую ступню. Он взвыл:

– Перестань, охотник! Я все рассказал!

– С этого расстояния дробь разворотит ступню. Только ключья останутся с дробленой костью, такое не лечится.

– Прекрати!!!

– Рассказывай остальное.

– Ну не при делах я! Не в курсе!

– Отвечай, вы Мишу пытали?

Он замолчал.

– Пытали? – ствол уперся в ступню.

– Мы... нет...

– Правду говори! – Мой палец напрягся на спусковом крючке, и Борзой заметил это, задергался.

– Пытали, но он ничего не сказал! Метис тогда решил к Бадяжнику обратиться! Мужик такой есть на Рынке!

– Это тот, что наркоту варит из всяких трав, которые на краю Леса растут? При чем тут Бадяжник?

– Он вроде умеет такую штуку делать, называется, как ее... сыворотка правдивости или как....

– Скополамин, что ли? Я про него читал в одной книге.

– Ну, типа оно самое. Не прямо его, но похожее что-то. Короче, такую сыворотку умеет бадяжить, ее терпиле вколешь – и он тебе все расскажет, как родной. Хотя оно опасно вроде, если доза слишком большая, можно дуба врезать. Метис решил напарнику твоему эту штуку вколоть.

– Когда?

– Сегодня, а когда ж? Уже, наверное, и вколол, не знаю. Бадяжник в обед обещал сыворотку отдать, а шас уже к вечеру дело. За ней Гига должен был пойти. Клянусь, охотник, Лесом клянусь, мамой клянусь – ничего больше не знаю!

В глазах его был панический ужас. Я опустил обрез.

– Теперь заткнись и замри.

Он так и сделал. Я накинул на плечо ремень ТОЗа, перерезал веревки – сначала на его ногах Борзого, потом на руках – и приказал:

– Сесть. Теперь встать. Лицом к воротам. Выходи.

Когда я направился следом, он сказал:

– Ты меня убьешь.

– Нет, отпущу.

– Как это – отпустишь? – кочевник сбился с шага. – Убьешь. Я же иначе к своим вернусь и все расскажу. Ты меня

теперь отпустить не можешь.

– Да выходи ты! – я толкнул его стволом между лопаток, выпихивая наружу. – Не отпущу, конечно, но свяжу и положу в сарае. Сигу расскажу, где ты, после он тебя освободит. Иди вперед, перед забором сворачивай вправо.

Мы миновали двор лесопилки и пошли вдоль ограды. Вдруг Борзой, истошно закричав, прыгнул вбок и нырнул в дыру в заборе.

– Стой! – Я бросился следом.

Почти сразу за оградой был склон расселины, по которой текла река, а на другом берегу росли густые заросли, где беглец мог легко скрыться. Он с разбегу прыгнул, и я выстрелил из обреза. Дробь ударила Борзого в спину, он с воплем рухнул вниз. Донесся громкий плеск. Бросив обрез, я сдернул с плеча «махновку», подскочил к обрыву.

Быстрое течение волокло кочевника вдоль расселины. Здесь было неглубоко, тело перекатывалось через валуны, вокруг расплывалось пятно крови. Непонятно, жив или нет... Я прицелился и снова выстрелил. Попал, кажется, в плечо, тело в воде сильно дернулось. Течение перетащило его через большой валун, дальше становилось глубже. Оно бултыхнулось туда, целиком ушло под воду... и больше я его не видел.

Перекинув через голову ремень ТОЗа, я подхватил обрез и со всех ног побежал к Шатру.

Глава пятая

Один против всех

– Ты сдурел? – тихо изумился Сигизмунд. – На Бадяжника наехать? Он большой дом занимает прямо в Ставке! Зельями половину орды снабжает, Ставку тоже, у него десяток охранников постоянно дежурит и еще столько же на подхвате.

Мы сидели у стойки, склонившись друг к другу. Кочевники отдыхали после вчерашней попойки, в зале никого не было, только Игорь с Борькой стучали молотком, ремонтируя сломанный стол.

– Что за охрана? – спросил я.

– Каратели, так их называют. Это боевой отряд Хана, он часть их в аренду сдает тем, у кого с деньгами хорошо. Бадяжник – самый крупный торговец наркотиками. Оптовик. Ты как хочешь, Стас, а я тебе в этом не помощник. Бадяжник слишком крутой, чтоб на него наезжать.

– Если он передаст бандитам эту сыворотку...

– Да он, по твоим же словам, ее уже передал. Опоздал ты. – Сигизмунд поерзал на ящике и вдруг решил: – Слушай, я хочу, чтоб ты вообще отсюда выметался. Слишком все это стало опасно.

– Завтра.

– Нет, сегодня. Прямо сейчас! – он даже стукнул кулаком

по стойке.

– Без вышибалы останешься.

– Мутант с ним, побуду без вышибалы. Зато голова цела.

Он собрался встать, но я положил руку ему на плечо и тихо сказал:

– Ты не их бойся, Сиг, ты меня бойся. Знаешь, как у нас с Мишей всё было... я за него любого порву. И тебя тоже, если надо будет.

Хозяин Шатра ссутулился, посидел молча и сказал:

– Хорошо, можешь переночевать. Но никакой помощи больше не жди.

– Мне нужен гранатомет.

– Нет у меня гранатомета.

– Наверняка есть. На складе в подвале где-нибудь спрятан.

– Нету!

– Тридцать рублей дам и золота брусок грамм на сто.

– Это за гранатомет-то? Он в пять раз больше стоит. И нет его у меня, я сказал.

– То есть и ты теперь против меня, – констатировал я. – Все против.

– Я – не против. Но и не за. Разбирайся сам со своими проблемами. Гранатомет ему! Хочешь напасть на стоянку тех бандитов, устроить заваруху возле Ставки? Тебя либо сразу положат, либо Хан пришлет отряд карателей. Если какие банды недалеко от Ставки большой шум поднимают – каратели наскაკивают и зачищают территорию под ноль. Такие тут

законы: всех, кто свалить не успел, – под нож или под пулю. Шатер мой сожгут. Никаких гранатометов, Стас, и никакой помощи! Последнюю ночь ночуешь – и вали!

– Ладно, не вопи. У меня еще вопрос есть. Слышал про такого человека – Метиса? Я тебе сразу не сказал, это он во-жак банды, которая Мишу забрала.

Сиг побледнел – даже скорее посерел. Отодвинулся от меня и зашептал, нервно оглядываясь:

– Метис был помощником Хана, бригадиром карательного отряда для решения острых вопросов, когда нужно с особой жестокостью... Но он слишком много крови пускал, разговоры нехорошие шли. Даже по местным меркам дела делал чересчур жестоко, и Хан его отстранил. Вроде как уволил. Это что получается, Михаил зачем-то понадобился Метису? Борзой, которого ты в речке утопил, из его бригады?

– Он его племянник, – пояснил я.

– Ты племянника Метиса утопил?! Стас, никаких ночевок, вали отсюда к мутантской матери! Прямо сейчас!

Сиг невольно повысил голос, и Борька с Игорем посмотрели на нас. Я заметил, что из кухни выглянула Ксюха. Она что, там была? Слышала, наверное, всё сквозь брезентовую стену.

Лицо у Сига было такое, что я молча встал и направился в свою каморку. В коридоре, услышав шаги, оглянулся – Сигизмунд быстро шел следом. Не глядя на меня, произнес:

– Ладно, погорячился я. Одну ночь можешь переночевать,

а завтра утром уходит. Рано утром, как рассветет.

Он свернул в другой коридор, бросив напоследок:

– Из Шатра носа не высовывай и в зал вечером не суйся.

Иди прямо сейчас к себе и сиди там безвылазно. Пожрать принесут.

Сидеть в Шатре я, конечно, не собирался, но неясно было, что делать. В одном Сиг прав: идея идти к Бадяжнику запоздала, сыворотка уже у Метиса. Возможно, бандиты даже успели допросить Мишу. Сначала пытали, потом вкололи это дерьмо...

Я сел на койку. Так, охотник, сосредоточься, соберись! Как вызволить напарника из того грузовика? Борзой выбыл, остались Метис, Кузьма, Рыба, Боров и Гига. Пятеро. У меня ТОЗ с обрезом, три ножа: мой, Миши, Борзого. И резиновый молоток. И деньги появились, теперь боеприпасы могу прикупить. Я достал из кармана брусок золота и один рубль, подбросил монету на ладони. Тридцать три рубля хватит на сильно подержанный автомат, если поторговаться. Гранатомет – нет, никак. Значит, АК, ружье, обрез... обвешаться этим всем, еще, может, пару-тройку гранат раздобыть. Наплевать на карателей, они будут уже не моей проблемой. Быстрый наскок на стоянку бандитов – единственный мой шанс, других вариантов не видно. Эх, гранатомет бы! У Сига ведь наверняка имеется. И гранат побольше. Продать он откажется, но ведь можно иначе. Схватить его, ствол к виску, заставить провести меня на склад...

За ведущей на пустырь дверью раздались быстрые шаги, и я вскочил, подняв ружье. Донесся шепот:

– Стас!

Я шагнул к двери, встав у стены, приоткрыл.

– Это я, – прошептала Ксюха. Она тяжело дышала, словно только что бежала.

– Входи.

Девушка протиснулась в проем, схватила меня за руку и прошептала:

– Сиг тебя сдал!

– Кому? – не понял я.

– Бадяжнику. Когда вы говорили, я на кухне слышала. Ты пошел сюда, а хозяин сразу к нему побежал. Я за ним. Он зашел к Бадяжнику в дом, я снаружи спряталась. Когда Сиг вышел, там засуетились, сам Бадяжник тоже вышел, стал отдавать приказы. У входа начали собираться бойцы. Я тогда побежала быстрее к тебе.

– Скорее всего, он сказал Бадяжнику, что новый вышибала решил его ограбить, – предположил я. – Сиг, наверное, прикинул, что так разрулит всю ситуацию.

– Но ты же можешь им правду рассказать.

– Какую, о чем? Кому я нужен со своей правдой, завалят без слов, и все.

– Тогда уходи быстрее!

– Тебя никто не видел? Когда ты Борзому предлагала на лесопилку на свидание прийти, и сейчас?

– Не видели.

– Хорошо. – Я погладил ее по голове. – Спасибо, девочка.

Теперь иди.

Не дожидаясь ответа, быстро собрался и шагнул к двери, напоследок бросив растерянной Ксюхе:

– Просто иди на кухню, занимайся своими делами. Ты ничего не видела и ничего не знаешь.

Когда я пересекал пустырь позади Шатра, с другой стороны донеслись голоса и топот ног.

* * *

Накинув на голову капюшон куртки и сунув в руки карманы в перчатках, я быстро шел вдоль торговых палаток в двух кварталах от Шатра.

Ищущие меня каратели либо еще не добрались сюда, либо вообще не собирались соваться. Но все равно я надвинул капюшон поглубже и осторожно поглядывал из-под него, стараясь не привлекать внимания.

Торговали здесь по большей части всякой рухлядью. Я трижды останавливался, приценивался – сначала к «валу» со сломанным прикладом, потом к АК без целика, потом к старенькому ТТ. И когда уже решил, что на имеющиеся деньги ничего толкового, кроме патронов, не куплю, увидел в конце ряда торговца артефактами.

Старик в обносках сидел рядом с навесом из дырявого

целлофана, повешенного на вбитые в землю палки. Рядом была расстелена тряпица, а на ней лежали два арта.

Старатель. Так называют людей, которые с риском для жизни добывают артефакты. Старатели, либо более уважительно – сталкеры, только этот бомж на сталкера не тянул. Из грязной бороды его торчали сухие травинки, глаза покраснели от пьянства, а нос напоминал помидор. И руки тряслись.

Я присел на корточки, разглядывая арты: цветок со слабым мутно-синим свечением, а рядом угловатое, размером с кулак странное образование – вроде камня, частично покрытого пупырчатой корой, как у кокоса.

Это были «живокост» и «погремушка». Первый артефакт ускорял заживление ран, второй имел более необычный эффект: поглощал звуки на небольшом расстоянии вокруг себя. «Погремуха», в отличие от большинства других артефактов, со временем не разрушается, ее можно почистить и снова использовать.

Между артефактами в землю прямо сквозь тряпку была воткнута палочка, и на нее, будто парус, надет лист фольги. Ох, умелец! Это он таким манером экранирует арты от взаимного излучения? Что они там излучали, никто толком не понимал, но лучше не держать артефакты вместе, могут возникнуть проблемы. Некоторые сталкеры считали, что арты глушат мозги, и, чтобы противостоять этому, обшивали фольгой подкладки шапок и ходили в них, как идиоты.

– Бери, малой, – просипел старатель. – Бери, не пожале-

ешь.

Я склонился ниже. «Живокост» был совсем мутным и едва светился.

– Старый, – констатировал я.

– Не бухти! – обиделся бомж и ткнул меня морщинистым пальцем в грудь. – Наговариваешь на товар! Нулевой арт!

Я откинул его руку.

– Таким «живокостом» только прыщи сводить. Сколько за «погремуху» хочешь?

– Сто рублей.

– Сколько? Да ты опупел, старый!

– Цена нормальная! – засипел он. – Смотри, ядреная какая, налитая...

Старатель поднял арт на ладони, демонстрируя во всей красе. Крупные пузыри, покрывающие часть «погремушки», были бледно-оранжевыми. Ясно, наглоталась уже звуков...

Я кивнул:

– Ну правильно, подержанный арт. Вон расцветка какая... четвертак дам.

– «Погремуху» почистить можно!

– Так это целое дело.

– Полтинник, – сипнул он, обдав меня перегаром.

Донеслись приглушенные голоса, я глянул из-под капюшона – в дальнем конце пустыря, где стояли торговые палатки, появился отряд людей в черном. Далеко, не разобрать: то ли каратели, то ли просто банда какая-то.

– За тридцать беру, – сказал я, протягивая руку.

Он мотнул головой, накрыл арт ладонью.

– Мало!

Я выгреб из кармана горсть монет и показал ему:

– Больше у меня нет. Тридцать – или торгуй свои старьем дальше.

Старатель молчал, часто моргая красными глазами.

– Вот ты тормоз, батя, – я ссыпал монеты на тряпицу, отвел его ладонь и осторожно взял «погремушку».

Люди приближались, теперь были видны черные каски на головах. Точно – каратели Хана.

– Мало... – начал старатель.

– Заткнись уже! – разозлился я. – На самом деле я тебе переплачиваю, вроде ты сам не знаешь. Еще ту сумку давай, тогда в расчете!

Артефакт в руке был теплым и едва слышно гудел. Я схватил лежащую на земле сумочку из шкуры зайца, сунул в нее «погремуху», выпрямился и, нагнув голову, быстро пошел прочь.

* * *

В зарослях у берега реки, которая днем унесла тело Борзого, было тихо. Вставив магазин в приемник ТОЗа, я начал быстро передергивать затвор, досылая патроны в патронник. Выбрасыватель с отражателем исправно делали свое дело, с

лязгом вышвыривая их через верхнее окно патронника. Задвинув пустой магазин в гнездо, которое мы с Мишей сделали в раскладном прикладе, я взял другой, снарядил его, вставил в приемник и тоже проверил, перещелкав все патроны. Повторил процедуру еще раз, удовлетворенно кивнул и сложил приклад.

Начало темнеть. Услышав шум, я привстал, поглядел сквозь пролом в ограде лесопилки. Во дворе появился отряд карателей. Увидев их, я возблагодарил самого себя за то, что не засел на лесопилке, хотя была такая мысль. Хорошо, что к речке решил уйти!

Они рассыпались по двору, заглядывая в здания, потом все вошли в цех, где я разбирался с Борзым. А ведь там остались следы, кровь на станине... хотя по ним не особо разберешь, что происходило в цехе.

Больше в поле зрения каратели не появились: получается, вышли через двери с другой стороны. А если они оставили внутри пару часовых? Те могли засесть на чердаке у слуховых окон и сверху контролировать весь двор. Может, ерунда это, никого там нет, но все равно – теперь на лесопилку соваться нельзя.

Когда совсем стемнело, я забрался поглубже в заросли, с головой завернулся в куртку и заснул, сказав себе, что должен встать через три часа. Привычка просыпаться, когда нужно, выработалась давно и служила безотказно.

Открыл глаза, когда высоко в небе висел месяц. Хорошо,

что до полнолуния далеко, иначе было бы слишком светло для моего плана. В расселине шумела вода. Примяв кусты, я встал, помахал руками, поприседал, разминаясь. На лесопилке не светило ни одного огня. Переодевшись в камуфляжные штаны, голый до пояса, я спустился к реке. Вымазал грязью торс, плечи, шею, лицо. Вернулся и дождавшись когда грязь подсохнет, и натянул перчатки. Теперь на теле остались лишь два небольших светлых пятна вокруг глаз, все остальное или под штанами, или под темными грязевыми разводами.

Измазавшись грязью, я почувствовал себя как тот мутант-горбун. Они ведь тоже пачкаются в грязюке, причем Михаил утверждал, что именно для камуфляжа. Ну, вот и я теперь как мутант лесной. Один из леса. И никого за меня на всем Черном Рынке. Только Ксюха, но с женщин вообще толку не очень много.

Я сунул в карман нож Михи, а два других, свой и Борзого, повесил на ремень. Обрез кочевника решил оставить, непривычен он мне, к тому же под него нет чехла.

Вряд ли они там, на Рынке, из-за меня затеяли из-за меня ночное патрулирование, это уже чересчур. Во-первых, не верю, что Бадяжника очень напугала весть о том, что кто-то собирается его ограбить. Ну, позвали карателей, устроили рейд по окрестностям. Не нашли – и ладно. Охрану на эту ночь усилили, и всё. Но внешность мою Сиг им наверняка описал, поэтому теперь никому нельзя попадаться на глаза.

На ремне помимо ножей висела сумка с погремушкой. Крадучись, я обошел лесопилку и зашагал к бывшей СТО. Миновал пятиэтажку, с балкона которой наблюдал за похоронами Бохи Хмеля, круглый фонтан с грудой угляй в центре. Дальше пошел не улицей, а через развалины, тут и там натываясь на лагеря, палатки или просто ночевки байкеров. Была глухая ночь, костры догорали, кочевники в основном спали. Издалека доносилась музыка – играл магнитофон, скорее всего, подключенный к аккумулятору машины.

К автомастерской вышел с задней стороны. Зарослями, пригнувшись, обогнул ее. На асфальтовой площадке все было по-прежнему, но в этот раз на крыше дежурил Боров, а на грузовике сидел кто-то другой. Гига, что ли? Устроился он не на фургоне, как великан прошлой ночью, а на кабине. Ее крыша была ниже примерно на полметра, бандит сидел на ней, спиной привалившись к выступающей части фургона. Машина стояла задом к мастерской – то есть Боров сверху видит Гигу, а тот его нет, по крайней мере, до тех пор, пока не сменит позу.

Я залег сбоку от грузовика, сунул руку в сумку и двумя пальцами резко сжал артефакт. Едва слышный хлопок – и колпак тишины накрыл меня. Зазвенело в ушах. Звуки, источники которых находились дальше, чем в метре от меня, доносились вполне отчетливо, но те, что раздавались ближе – то есть которые издавал я сам – почти смолкли. Всегда удивлялся этой способности «погремухи» выборочно гасить

звуковые колебания. Наверное, дело в направлении волн. На те, что идут снаружи вовнутрь, арт не реагирует, но те, что в обратные стороны, то есть от меня вовне – гасит.

Авторемонтная яма была прямо впереди, за ней машина, а дальше костер. Для Борова сверху яма выглядит просто черным прямоугольником, я очень сомневался, что в полутьме он сможет разглядеть меня, закамуфлированного грязью по самую макушку и распластавшегося на асфальте.

Куртку я оставил на краю площадки, в кустах. Не факт, что удастся забрать, жалко вещь, но сейчас лучше без нее. Выданные Сигом джинсы вообще бросил в реку, когда уходил с лесопилки – не нравились они мне, не люблю джинсу, обычно она слишком жесткая и трет где не надо.

Ремень, наискось перетягивающий грудь, крепко прижимал «махновку» к спине. В правой руке был охотничий нож. Сердце стучало громко и ровно, во рту пересохло. Несколько раз сглотнув, я пополз.

Медленно обогнул ремонтную яму, то и дело осторожно приподнимая голову и глядя вверх. Гига, может, спит? Сидит тихо так, неподвижно... Но Боров на крыше здания точно не спит – иногда встает и прохаживается. Каждый раз, когда он оказывался лицом ко мне, я замирал, потом снова полз. С другой стороны грузовика доносилось потрескивание веток в костре, приглушенные голоса.

Потом Метис спросил:

– Кузьма, баранку в грузовике починил?

– Не успел, стемнело. В кабине света мало.

– Выезжать рано утром.

– Утром и закончу. Там на две минуты работы.

– Смотри мне. Какого хрена, где Борзой, а?

Раздался вялый голос Рыбы, а потом опять стало тихо. Я прополз еще немного и оказался под бортом грузовика, прямо у кабины. Теперь Боров меня никак не увидит, а вот Гига сверху может увидеть запросто, стоит ему только наклониться влево и кинуть взгляд через закругленный край кабины.

Встав на колени, я задрал голову. Подножка была прямо передо мной, дальше дверца. Зеркало заднего вида закреплено на длинном кронштейне. Значит так: выпрямиться, нож – в зубы, встать на подножку, притаиться. Гига будет прямо надо мной, совсем рядом. Благодаря «погремухе» все это смогу проделать бесшумно. Если только подножка громко не скрипнет, бандит меня не услышит, но вот сильный звук арт заглушит лишь частично. Ну а дальше, как говорится, фифти – фифти. Если прыгну на кабину в тот момент, когда Боров будет лицом к грузовику, он меня увидит наверняка. Если боком – может засечь краем глаза. Если же великан окажется ко мне спиной – значит, повезло тебе, охотник.

С того момента, как грузовик скрыл от меня мастерскую, я мысленно удерживал картинку того, как Боров ходит по крыше. Если бандит не изменил ритм, скорость движения или вообще не остановился, то сейчас он должен развернуться ко мне лицом. Сжав нож зубами и сгорбившись, я при-

встал так, чтобы макушка не попала в поле зрения Гиги. Поставил ногу на подножку, медленно-медленно начал распрямлять. . . . Опять рана болит. Ничего с этим не поделаешь, терпи, охотник. Скрипнул металл под ногами, но «погремуха» исправно делала свое дело – он был едва слышным.

Когда я оказался на подножке, Боров как раз должен был повернуться спиной к машине. Подошвой я уперся в кронштейн зеркала. Схватился за ручку дверцы. Подождал еще секунду, перехватил нож свободной рукой – и подпрыгнул.

Гига сидел всего в полуметре, с закрытыми глазами. Меня он, конечно, услышал. Распахнул глаза, повернул голову. . . .

Я воткнул клинок ему в горло, и горячая кровь брызнула на ладонь. Одной рукой схватил за волосы, а вторую, отпустив нож, прижал к его рту, чтобы заглушить предсмертный хрип. Глянул вверх. Боров медленно шел по краю крыши. Спиной к нам.

Гига затих. Ясно, почему мужика так называли: горбатый нос, кучерявые черные волосы, мохнатые брови. Вольный сын Кавказа. Кровь текла по груди, пропитывая фуфайку. Я высвободил клинок из горла, и тело начало заваливаться вбок. Схватил мертвеца за плечо. Боров на крыше начал поворачиваться. Я толкнул Гигу обратно, и его голова откинулась назад, затылок упал на край кузова.

В тот миг, когда Боров очутился лицом к нам, я спрыгнул на подножке, присел и замер. Сейчас бандит с крыши отчетливо видит Гигу, но тот сидит почти в прежней позе, только

голову откинул сильнее. Великан может решить, что второй часовой заснул, и окликнет его. А может и не решить. Может вообще не обратить внимания на легкое изменение в положении тела.

Тихо потрескивал костер. Я прижимался к дверце кабины, слушал и ждал.

– Достал меня племянник, – раздалось из-за грузовика. – Появится – прибью. Два дня отлеживаться будет, падла.

– Как же тогда нам на дело отправляться? – возразил Кузьма.

– В кузов бросим, к охотнику. Пусть валяется.

– Охотник наверно сдох уже. Надо бы проверить.

– Проверишь. Хотя какая теперь разница? Все равно я его с собой брать не собирался, мороки слишком много, – возразил Метис.

Я стиснул челюсти. Что дальше? Второй этап – еще сложнее первого. Нужно обойти грузовик и проникнуть в него. Дверь находится со стороны мастерской, по которой расхаживает Боров, и, если на двери не только засов, но и замок... На этот случай была заготовлена отмычка, которую я смастерил из найденной в столярном цехе проволоки. Но как в полутьме быстро вскрыть замок, сдвинуть дверь, забраться в грузовик – и все это, чтобы не заметили четверо находящихся поблизости людей, один из которых ходит прямо над головой, то и дело бросая взгляды в сторону машины.

Я уже собрался слезть с подножки, когда в голову при-

шла новая мысль. А нету ли другого пути внутрь? Приоткрыв дверцу, я нырнул в кабину.

Здесь пахло бензином и резиной. Рулевая колонка была развинчена, «баранка» лежала на сидении, из гнезда торчали провода. В задней стенке кабины, прямо за коробкой передач – узкая дверь. Без засова и без замка. Ну вот, как чуял! Я осторожно приоткрыл ее, и она отчетливо скрипнула. Кажется, арт переполнился: почти уже не работает, теперь его нужно чистить. Вроде, никто не услышал... Я шагнул внутрь, едва не наступив на тихо булькнувшую канистру. Слева возле низкой лавки стояли еще несколько. В центре фургона был большой железный люк.

Отблески костра совсем слабо проникали сюда. На стене справа... Я содрогнулся, сердце бешено заколотилось к груди.

Михаил был распят на досках борта, прибит к ним толстыми строительными гвоздями. Седая голова свешивалась на грудь.

– Миша! – шагнул к нему.

Голова напарника медленно поднялась.

– Стас. Пришел.

– Тише!

Я потянулся к гвоздю, но подумал, что, если Миха повиснет только на одном, тот может порвать ему ладонь. Или нет? Никогда еще не видел распятого человека...

– Стас... Стас, слышишь? – захрипел Михаил. – Полигон.

Ты понимаешь? Это важно!

– Сейчас я тебя освобожу.

– Нет. Сердце. Стучит, будто током бьют. Вектор. Вектор!

Я озирался, пытаюсь сообразить, что теперь делать. В кузове помимо лавки да канистр с топливом было только тряпье в углу, и больше ничего.

– Полигон, – с нажимом повторил Михаил. – Полигон смерти!

– Что? – я посмотрел на него.

– Вектор, Стас.

Кажется, он бредил. Я зашептал:

– Потерпи, напарник, сейчас снимем тебя с этих гвоздей, залатаем – будешь как новый. Только не шуми, у меня «погремуха», но старая, почти уже не глушит.

– Они мне вкололи, – снова заговорил он, не слушая. – До-за... на кабана. Я им все рассказал. Не мог молчать. Только про... ключ не сказал. Теперь сердце бьется – скоро лопнет. Травник бы спас, а так... Приложи ладонь, сам услышишь.

Я так и сделал – и едва не отпрянул, ощутив истошное, сумасшедшее биение сердца в его груди.

– Конец, – зашептал Михаил. – Умру сейчас. Еще минута, две... Ты слушай.

Я решил, что иначе никак, и схватился за толстую шляпку гвоздя, вбитого в правую руку, но напарник снова зашептал:

– Стас, подожди. Слушай. Слушай меня, сказал!

Я посмотрел ему в лицо. Оно было как у мертвеца, белки

тускло блестели в провалах глаз.

– Я сейчас умру, Стас. Ты меня... Огонь, – голос опять стал прерываться. – Сожги, понял? Последнее желание. Не хочу с червями. В земле... Ненавижу. Огонь. Чтобы с дымом... в небо, понял?

– Миша... – начал я, но он вдруг затрясся всем телом. И зачастил срывающимся голосом:

– Кузьма привозил. Для опытов, но не знал место. Секретность. Меня видел. Я там служил. Там... страшные вещи. Ключ, Стас. Где ключ?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.